

ПРОГУЛКИ ПО МЮНХЕНУ

с
Владимиром
Шубиным

Прогулки по Мюнхену

с Владимиром Шубиным

путеводитель

ImWerdenVerlag
München
2022

Оглавление

Прогулка первая: Мариенплац	4
Прогулка вторая: Старый двор — Хофбройхаус	23
Прогулка третья: Вокруг Резиденции	40
Прогулка четвертая: Одеонсплац	61
Прогулка пятая: Фрауэнкирхе и собор Св. Михаила	76

МАРИЕНПЛАЦ

прогулка первая

Где начинать знакомство с историей Мюнхена?

Конечно, на Мариенплац (*Marienplatz*). Это не только географический центр баварской столицы, но и место зарождения города, выросшего на перекрестке торговых дорог, своего рода эпицентр местной истории, достопамятный для горожан и притягивающий любопытных путешественников со всех концов света. Кажется, в любую погоду эта площадь и прилегающие улицы праздничны, приветливы, многолюдны. Шарм современного Мюнхена словно накладывается здесь на богатую событиями городскую историю, корни которой уходят в середину XII века.

Добраться до Мариенплац просто — сюда приходят две линии метро (*U3, U6*) и здесь, под землей, останавливаются все загородные электрички (*S-Bahn*).

В центре площади колонна, увенчанная золоченой скульптурой Мадонны. Самое большое и сразу же бросающееся в глаза здание — ратуша (Новая ратуша), где работают городские чиновники во главе с обербургомистром.

Если от нее повернуться направо, в глубине увидим Старую ратушу, к ней примыкает остроконечная сторожевая башня.

А правее башни, если продолжить круговое движение взглядом, — колокольня старейшей городской церкви Святого Петра. На ней балкончик. Вот туда и рекомендую подняться. Может быть, не сразу и не в первый день, а чуть позже, когда вы будете уже свободней ориентироваться в Мюнхене и его истории и вид Мариенплац с высоты птичьего полета скажет вам значительно больше...

Для подъема на балкончик придется преодолеть 306 ступеней. Тем, кому это затруднительно, рекомендую побывать на противоположной башне Новой ратуши, куда ведет лифт.

С чего начать?

Разумеется, с праздничного завтрака — «по-баварски». А как же иначе? Разве это не праздник — начало знакомства с Мюнхеном и Баварией? И если вам еще не известно, что значит позавтракать «по-баварски», загляните в любой окрестный ресторан или спуститесь в подвал здания Новой ратуши. Найти спуск просто — он рядом с фонтаном в углу площади и обозначен вывеской: *Ratskeller*.

Keller означает подвал, вот туда нам и надо. И не стоит бояться крыс... слово *Rat* в данном случае не имеет отношения ни к немецкому *Ratte*, ни к английскому *Rat*, а означает всего лишь совет, а в данном контексте — сокращение от слова советник. Конечно, Гоголь несомненно бы нашел сходство с крысами у некоторых спускающихся сюда на обед с верхних этажей депутатов-советников или исполнительных чиновников, но... где он — немецкий Гоголь наших дней...

Кстати, не пытайтесь спрашивать у местного населения, где тут у вас «Ra-tu-sha». Вас не поймут. Русский язык перенял это слово из польского, по-немецки же оно звучит «ратхаус» (*Rathaus* — Дом советов).

Перед спуском в подвал оглянемся на колокольню Святого Петра. Не пробило ли там на часах 12 дня? И ещё — не показалось ли, что шпиль колокольни несколько накренен?

Нет? Тогда тем более стоит поскорей заказать баварский завтрак. И важно не опоздать! Ведь в большинстве заведений его можно получить только в первой половине дня. Ну, а к шпилью мы вернемся чуть позже...

Воспользуемся меню на русском языке (есть почти во всех заведениях в центре города) или просто закажем:

— *Вайсвурст,*
Вайсбир унд Бреце; данке!

И запасемся терпением, пока на столе не появится горшочек с плавающими в нем белыми сардельками (*Weißwurst*), бокалы с мутноватым пшеничным пивом с белой шапкой пены (*Weißbier*), крендель с крупинками соли (*Breze/Brezel*)... Скажем «цум воль!», что будет совечно нашему «за всё хорошее!» И начнем.

Баварцы предпочитают эту милую их сердцу сардельку надрезать, взять в руку, обмакнуть в сладкую горчицу и смачно втягивать в себя содержимое из оболочки, запивая глотками прохладного пива и закусывая брецелем... Но они не обидятся, если вы будете пользоваться ножом и вилкой. Они понимают — чужеземцы...

Завтрак — почти ритуал, канонизированный в деталях: только две-три сардельки, только с пшеничным пивом, налитым только в вытянутый полулитровый бокал, и только до обеда... И более того — сама эта белая сарделечка находится под монаршим покровительством. Сомневаетесь? Загляните на сайт мюнхенской корпорации мясников. Там вы увидите портрет Королевы белых колбасок — она избирается каждый год. И, пожалуйста, оставим иронию: мы в Баварии... а здесь революция 1918 года отменила лишь институт династических королей, но не цеховых (по профессиям) и не общежитейских (по интересам). Баварцы регулярно выбирают королей пива, хмеля, картошки, спаржи, капусты, сыра, карнавала и т. д. И поверьте: все коронованные особы — молодые и красивые.

Известны день и место рождения этого баварского чуда. Место — рядом: Мариенплац. В карнавальный день 22 февраля 1857 года у трактирщика Йозефа (Иосифа) Мозера, хозяина популярной пивной на площади, из-за большого стечения народа закончились запасы кишок для приготовления колбасок. Под рукой оказались другие, тонкие, непригодные для поджаривания. Отчаявшийся повар наполнил их фаршем, ужаснулся, что вместо стройных длинных колбасок получились неказистые толстенькие обрубки и бросил их в горячую воду. Незадолго до начала кипения он снял кастрюльку с огня, да так и отнес с содержимым к столу... Кажется, Йозеф опасался скандала, но, к его изумлению, посетители попросили добавки... Это уже потом стало известно, что подобное блюдо пользовалось популярностью во Франции в XIV веке и во времена Наполеона было возрождено в трактирах Гамбурга. Но мюнхенский трактирщик и его последователи ничего этого не ведали, и нужно отдать им должное — подошли к своему открытию творчески: стали совершенствовать рецептуру, определили доминирующий процент телячьего фарша, добавили мелко нарублен-

ную петрушку, отказались от содержащей нитриты соли (отсюда бело-серый цвет сарделек), подобрали с их точки зрения идеальный балансирующий напиток — пшеничное пиво... постепенно были отточены и правила сервировки: сладкая, «домашняя», горчица, крендель (брецель) и время подачи на стол — завтрак или, во всяком случае, первая половина дня.

Ученые до сих пор не могут определиться с секретами, связывающими душу человека с его желудком. Как бы то ни было, но теперь, когда на душе стало по-баварски празднично, пора возвращаться на главную площадь города — Мариенплац.

Так что же у нас со шпилем Святого Петра? Взглянем еще раз на колокольню: точно ли шпиль стоит идеально ровно? Ответ «да» может означать, что надо вернуться за второй кружкой... Но лучше это отложить до конца прогулки, а пока вспомним одну из мюнхенских легенд.

Когда-то колокольня Святого Петра завершалась двумя башенками. В начале XVII века они пострадали от удара молнии. Как водится, этому очень обрадовался дьявол. Но горо-

жане отстроили колокольню заново, на этот раз украсив ее одиноким высоким шпилем, под которым расположилась каморка для сторожей, окруженная балконом для наблюдения за пожарной обстановкой. Колокольня, поднимавшаяся над городом на высоту 91 метр, сразу всем пришлось по душе, ее стали называть любовно «Старый Петр», позже она вошла в народную песню, ставшую своего рода городским гимном: «Пока стоит старый Петр...» Надо ли говорить, что все это разгневало князя тьмы... И вот однажды ночью сторож (история сохранила его имя — Хайнц) проснулся от непонятного шума. Он снял со стены тяжелое деревянное распятие и мужественно вышел на балкон. И что же он увидел? Дьявол со своими подручными пытался раскатать и сломать церковный шпиль. Хайнц, что есть силы, начал колотить чертенят, и многие из них попадали вниз, но сам сатана держался

упорно и только, когда часы пробили час ночи, испарился. Наутро Хайнц поспешил в ратушу. Он рассказал о случившемся и стал почти требовать, чтобы на балконе выставили вооруженную охрану. Над ним только посмеялись. Но чуть позже бургомистр, проходя по этой площади, бросил взгляд на колокольню, и показалось ему, что шпиль и вправду чуть-чуть накренился. Он вернулся в ратушу, велел найти Хайнца, попросить у него прощения и рассказать горожанам о его мужестве...

Кому-то эта байка может показаться неправдоподобной. Но только не мюнхенцам. Они вам расскажут больше: дьявол в отместку еще не раз возвращался сюда с надеждой сломать шпиль, но всякий раз терпел неудачу; в конце концов он в гневе пнул крест, и тот развернулся на 90 градусов. Однако, в этом случае отдадим дань исторической науке, которая утверждает, что под действием частых западных ветров возникла опасность обрушения креста. Потому и решено было не только укрепить его основание в шпиле, но и развернуть «по ветру» — именно на 90 градусов... Только не спорьте с горожанами, они вам тут же возразят, что шквальные порывы западного ветра тоже месть дьявола... И напомним историю другой церкви — Фрауэнкирхе.

Собор Девы Марии (Фрауэнкирхе) у нас еще впереди, а пока начнем привыкать к тому, что в мюнхенской истории, да и вокруг нас сейчас, немало загадочного или не вполне объяснимого.

Да вот, например, — часы на той же колокольне Старого Петра. Два циферблата — один под другим, причем — по два с каждой стороны фасада, итого: восемь! Приезжий спросит: зачем восемь часов на одной башне!? Но мюнхенцы только улыбнутся, ведь еще их любимый сатирик Карл Валентин в свое время объяснял, что восемь циферблатов нужны для того, чтобы восемь человек могли одновременно, не мешая друг другу, узнать, который сейчас час... Мы в Баварии...

Когда и при каких обстоятельствах возник Мюнхен?

В XII веке на месте нынешней площади Мариенплац скрещивались торговые дороги. Товар везли разный, в том числе и ценный — серебро, шелк, пряности и дорогу в те времена соль... Ближайшие месторождения, где и сегодня добывают соль, — в Альпах, на границе Австрии и Баварии. Долгий путь проделывали подводы, чтобы попасть на эту развилку. Последним препятствием перед ней была река Изар.

С Мариенплац Изар не видна (*Isar* — название женского рода), она протекает восточнее, минутах в пятнадцати неторопливой ходьбы отсюда. К ней со стороны Альп и добирались подводы с солью. Однако переправлялись они чуть ниже по реке, в деревушке Фёринг, приписанной в те времена к Фрайзингскому епископству. Там был наведен деревянный мост, сборы за проезд по нему поступали в церковную казну.

Про переправу прослышал баварский герцог. Им был Генрих из рода Вельфов. Незадолго перед тем, в 1156-м, он, правитель Саксонии, в придачу к обширным владениям получил Баварское герцогство. С тех пор стал называть себя Львом.

Генриху Льву показалось несправедливым, что подводы с солью с его земли сворачивают к предприимчивому соседу. Отчего бы им не ехать и дальше по Баварии — благо, дороги есть, а переправу можно построить. Он распорядился о возведении моста на Изар, а здесь, на дорожной развилке, решено было разместить службу, собирающую деньги за провоз, открыть рынок, а при них и монетную фабрику.

Властные черты характера Генриха породили слух, будто он приказал сжечь епископскую переправу в Фёринге. Судя по всему, слух был не беспочвенным, поскольку, как мы видим — епископ поспешил пожаловаться, что называется в самые верха... Видим из бумаги, подписанной 14 июня 1158 года императором Священной Римской империи германской нации Фридрихом Барбароссой и представляющей собой мировое соглашение сторон. В нем право сбора пошлины и чеканки монет отныне закреплялось за баварским герцогом в Мюнхене, однако при условии, что тридцать процентов доходов будут отчисляться в казну епископства — в наказание за самоуправство...

День подписания мировой — 14 июня 1158 года — и считается днем рождения города, хотя из контекста становится понятно, что таможенная служба к тому времени уже существует и даже имеет название: Мюнхен.

Мюнхен — München, Munich, Minga, Monaco die Babiera?..

По-немецки: *München*. Историки едины в пояснении этого названия; оно означало, что поселение возникло «рядом с монахами». Вот только с какими? Никакого монастыря вблизи торговой развилки не было, и остается лишь предположить, что речь идет о небольшом монастырском подворье. И как водится, отсутствие исторических фактов легко и охотно компенсируется преданиями. В одном из них говорится

о баварской обители, которая когда-то подверглась нападению язычников-венгров. Монахи бросились врассыпную, и те из них, кто, пробежав много верст, оказались здесь, увидели, что преследователи отстали. С тех пор и приходили они сюда — помолиться в благодарность за спасение и помянуть погибших... Другая легенда уверяет, что перекресток был обогретен монашеской кровью от рук неверных и что при возведении таможенных служб в земле была найдена отрубленная голова монаха, которая к тому же продолжала кровоточить... Как бы то ни было, название города происходит от слова *Mönch*, монах.

Монашеская фигура к XIII веку утвердилась и в городской геральдике. На площади мы можем увидеть ее, например, в портале Новой ратуши (как раз напротив колонны Девы Марии).

Одна рука монаха поднята в клятвенном жесте, другая держит книгу городских прав и законов. Существует, однако, и иное толкование: книга — собрание евангельских текстов, а жест правой руки означает благословение.

И поскольку Мюнхен — город, не склонный стареть, со временем его монах преобразился в юного монашка, послушника. Впрочем, и это не совсем точно сказано, потому что часто его любовно называют мюнхенское дитя (*Münchner Kindl*).

Оно воспроизведено и на самой вершине башни Новой ратуши. Здесь можно точно определить возраст дитяти: известно, что скульптору, работавшему над фигурой символического монашка, позировал его 9-летний сын.

Но вот беда, о которой задумались позже: в Баварии не позволено пить пиво лицам, не достигшим 16-летнего возраста. А какой баварский праздник без пива? И кто же тогда будет вправе наяву символизировать мюнхенское дитя? Выход был найден: девушки, от 16-ти, уро-

женки Мюнхена... Монашек трансформировался в монашенку — наверное потому, что женственность менее подчеркивает возраст, чем мужественность...

Девушку выбирают раз в несколько лет, и без нее не обходится ни пивной фестиваль Октоберфест, при открытии которого она появляется верхом на коне в балахоне монашки и с кружкой пива в руках, ни иные городские празднества.

Рожденное среди баварцев, *мюнхенское дитя* иногда называет свой город на родном языке — *Minga* (Минга). Ну а иностранцы — кто во что горазд: для англичан он *Munich*, для итальянцев баварский *Мопасо*... Русские путешественники не сразу определились с названием. Приезжавшие сюда друзья Пушкина произносили и писали *Минхен*, *Минех*. И все же в нашем языке закрепилось следование литературному немецкому: Мюнхен.

Историки до сих пор не едины в мнении, вырос ли Мюнхен на пустом месте или все-таки ему предшествовало какое-то селение. Как бы то ни было, «закладным» камнем города оказалась возведенная — то ли по мудрой воле, то ли по амбициозной прихоти Генриха Льва — переправа на Изар. Жаль, что не нашлось в Германии поэта, который изобразил бы его стоящим на берегу реки с повелительным жестом: «Здесь будет город заложен на зло надменному соседу!»

Две ратуши?

Мост принес деньги, из епископской деревни сюда переместилась оживленная торговля. Развилка превратилась в рынок, и Мюнхен стал успешно развиваться как *Markt*. Слово это означает рынок, торговлю, и в давние времена оно стало официальным обозначением статуса населенных пунктов, обладающих правом на проведение рыночных дней. И сегодня многие из них в Баварии традиционно сохраняют в своем названии некогда полученную приставку *Markt*. Но не Мюнхен... Потому что Мюнхен довольно скоро удостоился более высокого ранга: *Stadt* — город.

Ну, а какой же город без градоначальника? Кстати, ему можно помахать рукой — окна его кабинета выходят на угловой балкон в левой части большого здания Новой ратуши.

А можно и просто войти в ратушу, прогуляться по ее коридорам с готическими сводами, необычными порталами кабинетных дверей, сфотографироваться на каскадных лестницах, полюбоваться витражами с видами германских городов... В кабинеты без нужды заглядывать не принято, чтобы не мешать работе городских чиновников и служащих, но раз в год здесь проходит «день открытых дверей», и тогда — пожалуйста, хоть к самому обербургомистру, который и покажет вам свое рабочее место, и удовлетворит вашу любознательность.

Ратушу называют «новой», хотя ее внешний вид может сбить с толку — «старинная, средневековая»... В действительности, ее возведение началось в 1867 году, а завершилось в 1909-м. Строилась она по проекту архитектора Хауберрисера в стиле неоготики.

До того времени в течение нескольких веков городские службы размещались с восточной стороны площади — в ратуше, которую после открытия нового здания стали называть «старой». С нее и начнем — по старшинству.

Старая ратуша – Altes Rathaus

Она была построена архитектором Йоргом Хальсбахом в 1470-х годах. Вместе с прижавшейся к ней сторожевой башней ратуша представляет собой замечательный образец поздней готики.

Над центральным окном — скульптурное изображение герцога Баварии Людвиг Баварского (*Ludwig der Bayer*), правившего в XIV столетии.

Как помним, Мюнхен был основан в середине XII века Генрихом Львом (его изображение тоже есть на фасаде Старой ратуши — с противоположной стороны). В силу крутого нрава и властных амбиций Генрих нажил себе врагов, а со временем потерял и доверие императора, что закончилось для него опалой, изгнанием...

Бавария перешла в руки другой династии — Виттельсбахов. При них Мюнхен и превращается в столицу баварского государства.

Что говорит фамилия Виттельсбах русскому уху? Кажется, ничего. Но если внимательней ознакомиться с историей европейских монархий, то легко убедиться, что, получив Баварию, Виттельсбахи со временем превратились в сильную, разветвленную династию, имевшую влияние и родственные связи во всей Европе. И в одну из довольно успешных — они занимали баварский трон на протяжении 738 лет, вплоть до революции 1918 года. Правили они и на тронах других государств. Вместе с Виттельсбахами Бавария прошла путь от герцогства к влиятельному курфюршеству, а в начале XIX века стала конституционным королевством.

Людвиг IV Баварский — один из наиболее знаменитых представителей этого рода. Если присмотреться к скульптуре, голову его венчает корона императора Священной Римской империи. Мы еще обязательно вернемся к разговору о нем.

Доминирующее положение в ратуше занимал праздничный зал, вытянутые окна которого выделяются на фасаде. В нем на торжества и увеселения сходилась мюнхенская и баварская элита. С этим залом связана и одна из драматических страниц современной истории.

9 ноября 1938 года в Старой ратуше собралась на ужин партийная нацистская верхушка, прошедшая перед тем памятным маршем по улицам города по случаю очередной годовщины путча 1923 года. За столом Гитлер обсудил с Геббельсом «еврейский вопрос», после чего покинул собрание. Геббельс же витиевато заговорил о том, что партия не хотела бы стать организатором погромов (очень мило со стороны Геббельса — будто партия все предыдущие годы не вела агрессивной антисемитской пропаганды и не была инициатором принятия расистских законов). С другой стороны, рассуждал Геббельс, партия не может не приветствовать «народный гнев» и ему противиться. Уже через полчаса по телефону и телеграфу понеслись команды в разные концы Германии о начале решительных действий. К полночи в одном из респектабельных привокзальных отелей сформировался штабной пункт. Ночью запылали синагоги, начались погромы, последовали аресты и расправы, полилась кровь... Многие улицы наутро были усыпаны разбитыми стеклами витрин, и у прошедшей ночи появилось название: *имперская хрустальная...*

С июня 1940 года на Мюнхен стали падать бомбы — французские, английские, американские. Город стал превращаться в руины. От Ста-

рой ратуши к концу войны сохранились только стены, а примыкавшая башня была разрушена полностью. Пришлось восстанавливать почти все «с нуля», в том числе и знаменитый своим убранством зал ратуши, да и многие и многие другие городские постройки и интерьеры. В башне сейчас располагается Музей игрушек, в восстановленном зале Старой ратуши проводятся городские мероприятия.

Продолжая знакомство с Мюнхеном, постараемся не забывать, что некоторые кварталы старого города были разрушены на 80-90 процентов. Сильно пострадала и Новая ратуша.

Новая ратуша – Neues Rathaus

По мере развития города все острее вставал вопрос о строительстве нового здания для городской администрации. Но только во второй половине XIX века дело сдвинулось с мертвой точки. В 1867 году состоялась торжественная закладка. Пришлось снести ряд административных зданий, выходящих на площадь и начать скупать соседние частные постройки. Строительство шло в несколько этапов и растянулось на четыре десятилетия.

Архитектор Хауберриссер, судя по всему, следовал традиции, которую можно увидеть в некоторых средневековых шедеврах, доносивших до зрителя азы истории и знаний о мире. По фасадам его ратуши можно изучать и баварское прошлое, и народные предания, вписанные в более широком контексте в глобальные исторические, религиозные и натурфилософские знания. Тут встречаются скульптурные изображения Вельфов и Виттельсбахов, святых персон, городских типов и оригиналов, изображения птиц, зверей, растений, аллегорических персо-

нажей... Кажущиеся на первый взгляд хаотичными, детали складываются в мифологическое, историческое, поучительное, или философическое повествование.

«Азбука в картинках» многих завораживает — даже, если что-то непонятно. Но кому-то избыточность украшений вместе с их образовательно-поучительными подтекстами кажется «кондитерской», «пряничной». Поэт Андрей Белый, побывавший здесь в 1906 году, оригинально подметил, что ратуша своей «готикой» силится перекричать готику...

В любом случае, более сдержанными и не теряющими от этого притягательности неоготики видятся интерьеры, которые я уже рекомендовал осмотреть (двери ратуши открыты для свободного доступа только в рабочее время).

Башня Новой ратуши возносится на высоту 85 метров. В двухъярусном эркере — механические фигуры. Увидеть происходящее тут маленькое

представление можно в 11, 12, а в летнее время и в 17 часов.

В верхнем ярусе разыгрывается рыцарский турнир, проходивший на площади по случаю свадьбы наследника баварского престола будущего герцога Вильгельма V, которого мы и видим сидящим в центре на возвышении вместе со своей суженой, принцессой из Лотарингии Ренатой. События относятся к 1568 году.

Свадебный праздник тогда растянулся на 18 дней. Одним из кульминационных сюжетов стал турнир, на котором сразились баварский и лотарингский рыцари. Надо ли говорить, что победа досталась всаднику-баварцу? В движущихся фигурах он легко узнается по традиционной баварской — бело-синей — расцветке.

Фигуры нижнего яруса представляют собой танцующих во время чумы бондарей. По одной из легенд, во время чумной эпидемии в начале XVI века бондари, профессией которых было изготовление бочек для пивных фабрик, вышли на улицы с танцем, чтобы поднять на-

строение подавленным горожанам. Позднее сложилось правило исполнять танец каждые семь лет — как знак скорби и верховенства духа жизни над смертью. Странствующие бригады бондарей способствовали распространению этой традиции во многих местах Баварии. Жива она и сейчас.

В Мюнхене можно будет увидеть танцующих бондарей в 2026 году, затем в 2033-м... Танец исполняется на многих городских площадках во время карнавальных праздников перед началом великого поста. Однако, в принятом семилетнем цикле есть исключение: раз в два года бондари выходят на уличную сцену во время баварского «дня пивовара». Другим исключением можно считать регулярно повторяющееся исполнение механических танцевальных фигур в эркере ратхауса.

Горький в свое время размышлял о том, что подлинную историю человечества пишет в большей степени не историк, а художник. Кажется, многие страницы мюнхенской летописи могли бы служить тому подтверждением. Пока ученые только собирались пойти в архивы, чтобы справиться, действительно ли в начале XVI века в Мюнхен нагрянула чума и к тому ли времени относится первый танец бондарей, как вся эта история успела обрасти в художественном воображении горожан многими изумительными подробностями.

Оказывается, чуму в город принес страшный дракон. Он прилетел издалека и приземлился прямо здесь, на центральной площади, и стал

изрыгать смертоносные брызги.

Шутки шутками, но я покажу вам и само место, да и самого дракона. Нам нужно подойти к левому углу Новой ратуши, как раз к балкону бургомистра... Под ним — бронзовая фигура этого «чуда-юда».

А рядом, в рельефах, можно рассмотреть мужественных баварцев,

которые подкатили сюда пушку и в упор расстреляли мерзавца. Однако горожане все еще оставались напуганы и опасались высовывать нос наружу. Неожиданно они услышали музыку и, выглянув в окна, увидели празднично одетых бондарей (они тоже не забыты в рельефе), вышедших поддержать их дух. Бондари подтянулись к тому месту, где был сражен дракон, и начали танцевать. Постепенно вокруг них стал собираться народ. Но многие все еще держались боязливо. И тут кто-то из группы подошедших молодых мясников разбежался и... прыгнул в находившийся с другой стороны площади фонтан. За ним бросились и его друзья, они обрызгивали стоявших поблизости людей, радуясь чистой воде и свежему, уже не опасному для здоровья воздуху...

С тех пор этот угол называют «драконьим». Историки, правда, докопались, что на стоявшем здесь прежде доме всегда изображался этот злыдень — как элемент фамильного герба хозяев. Но разве это может отменить народную легенду? А что касается мясников, так они и по сей день прыгают в самый старый городской фонтан...

Рыбный фонтан – Fischbrunnen

Он расположен с правой стороны Новой ратуши — там, где мы спускались в ее подвал. По традиции у этого фонтана происходит торжественный акт посвящения в мастера успешно прошедших обучение мясницкому делу. Заканчивается церемония веселым безобразием — сиганием молодых людей обоего пола в фонтанную чашу и фамильярным обрызгиванием окружающих.

Вместе с брызгами в толпу, по обычаю, должны лететь яблоки, монетки, конфеты. А поскольку в былые времена это «посвящение в мясники» проходило в карнавалы, то есть во время массовых гуляний, то веселье не всегда заканчивалось благопо-

лучно — кому-то в глаз яблоком попадало, кто-то поскользнулся и другого задел, случались и давки... И тогда следовали запреты, порой

на десятилетия. Паузы возникали и по «естественным» причинам — война, революция, инфляция... После одного из таких длительных перерывов, в 1928 году, народу, на радостях, собралось столько, что в результате возникшей «ходынки» 174 человека обратились за медицинской помощью.

Фонтан украшает бронзовая рыбка, которая напоминает, что прежде — в торговые дни — рыбаки погружали здесь в воду садки со своим живым товаром. Еще в XV веке к фонтану подвели первую городскую водопроводную сеть. Он несколько раз менял свое оформление, а современный облик приобрел в 1954 году.

К Рыбному фонтану я вам советую обязательно вернуться перед отъездом. Нет, нет — совсем не для того, чтобы банально бросить туда на прощание монетку. Все гораздо интересней: к тому времени вы, возможно, изрядно потратитесь в Мюнхене, а добрая примета подсказывает, что если окунуть опустевший кошелек в воду именно этого фонтана, то он (кошелек) может снова наполниться достаточно быстро.

Еще одна байка? Но я бы все-таки избегал этого резкого словца — чтобы не обидеть мюнхенцев, которые ежегодно, начиная с XV века, в один и тот же день, приходят к фонтанчику и окунают в воду опустевшие портмоне. К ним присоединяется сам глава города — с солидной сумкой, символизирующей мюнхенскую казну.

Не этим ли объясняется «зажиточность» баварской столицы? Почти неизменно в последнее время она занимает первое место среди немецких городов по уровню благосостояния и благоустройства.

Это необычное зрелище можно наблюдать только в первый день великого поста, после окончания карнавальных гуляний (аналог православной Масленицы). Накануне — пик гуляний, на Мариенплац и вокруг собирается огромное количество людей, большинство в карнавальных нарядах, порой необыкновенно причудливых... Как-то в этой ряженой толпе закружило и будущего вождя мирового пролетариата. Был ли он одет в маскарадный костюм — скромным зайчиком или, может, лукавым котом в сапогах с закрученными усами, мы не знаем. А должен бы —

жил нелегально и при случае «маскировался», называя себя то господином Майером из Сибири, то доктором Иордановым из Болгарии, а в одном из писем из Мюнхена впервые назвался Лениным. Карнавал ему понравился: «повальное дурачество... умеют здесь публично, на улицах веселиться!»

Обычно гремит музыка, рассыпаются конфетти, в воздухе запах глинтвейна, жарящихся колбасок... Мало кто скупится на еду, выпивку, развлечения... Маски скрывают лица, и это вносит свой нюанс в народные потехи: можно всю веселиться и чувствовать себя раскрепощенно.

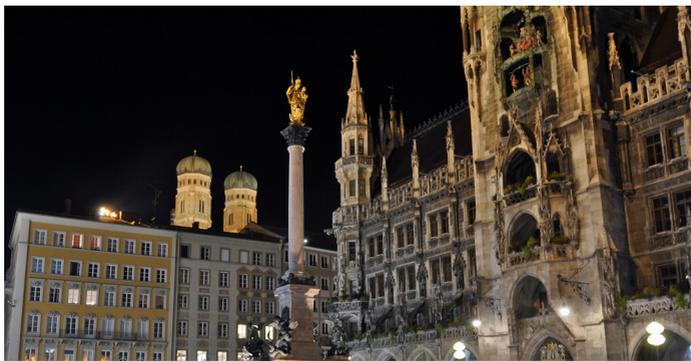
Ну, а наутро наступает время поста, очищения, и горожане готовятся к праведной жизни не только молитвами и предписанной постом пищей, но и... ритуалом стирки кошелька. Мне ни разу не довелось видеть, чтобы кто-нибудь во время этой церемонии проронил слезу. Но, как рассказывают, по старому обычаю, стирать кошелек полагается в траурной одежде, с плачем и даже с завыванием — соразмерно смываемым грехам.

Карнавал сменяют будни, с ними возвращаются усердие в труде и умеренность в быту — гарантии пополнения домашней казны. Когда я рассказываю об этом туристам, у них нередко возникает желание тут же окунуть в фонтан краешек кошелька, а то и кредитной карты. Думаю, было бы правильней сделать это перед отъездом, когда кошелек заметно похудеет, да и сам праздник знакомства с Баварией подойдет к концу и на горизонте снова будет прорисовываться неизбежная пора умеренности и трудового усердия...

Площадь Марии – Marienplatz

Несколько названий сменила эта площадь, пока за ней твердо не закрепилось Мариенплац. Ее называли рыночной, зерновой, торговой, а то и просто площадью. Рынок был бойким, и по недостатку места некоторые торговые ряды стали размещаться на периферии — так поблизости появились мясные лавки, винные, соляные ряды, сместилась с площади и торговля яйцами и приправами. В середине XIX века неподалеку был построен новый зерновой амбар, и торговое значение площади окончательно ушло в историю, тогда и было принято решение называть ее отныне Мариенплац.

К тому времени центр площади уже более двух веков украшала колонна с фигурой Мадонны. Она появилась в период Тридцатилетней войны.

С рождением Реформации Бавария встала на защиту католической веры. На этом поприще отличилось несколько поколений Виттельсбахов. Один из них, герцог Максимилиан, правивший в первой половине XVII века, именно за эти заслуги был удостоен курфюрстского титула, что в «табели о рангах» правителей Священной Римской империи давало право участвовать в выборе императора. Бавария стала курфюршеством.

В долгом противостоянии католиков и реформаторов огромная опасность нависла над Мюнхеном в 1632 году. К воротам города подошла протестантская армия под началом шведского короля Густава Адольфа. Курфюрсту пришлось бежать. После того, как многие пригороды были ограблены и сожжены, делегации военного и городского советов выехали навстречу королю, чтобы передать ему ключ от города и 300 000 имперских талеров в качестве откупа.

В Мюнхене воинственный швед надолго не задержался но, неудовлетворенный суммой откупа, при отъезде потребовал снабдить его изрядным количеством пива (об этом эпизоде мы еще поговорим подробнее на другой прогулке), а также захватил в заложники духовных лиц, пивоваров, мастеровых, городских советников, всего 42 человека. Только спустя три года они смогли вернуться к своим близким.

Курфюрст Максимилиан в чуде спасения города, его церковью и католических реликвий видел в первую очередь заступничество Девы Марии, которой все это время усердно молился. За два года до начала Тридцатилетней войны он установил на фасаде своей резиденции скульптурное изображение Мадонны. В 1638-м изваяние Святой Девы с младенцем Христом появляется в самом центре его столицы — венчающим стройную мраморную колонну.

Противостояние католиков и протестантов заканчивается только в середине XVII века Вестфальским договором. Обе христианские ветви отныне начинают жить мирно. Но — раздельно: католики в католических странах, лютеране в лютеранских. Исключения были крайне редки. И только на рубеже XVIII-XIX веков религиозные границы размываются, в Мюнхене начинает формироваться лютеранская община, а католики Виттельсбахи, к слову сказать, начинают охотно брать в жены принцесс из лютеранских династий.

Надписи на цоколе колонны напоминают о визитах в Мюнхен Пап Римских и их богослужениях на Мариенплац. Сам цоколь украшен аллегориями борьбы с человеческими бедами: войной (лев), чумой (вавилонский), голодом (дракон) и безверием (змий).

Колонна в известной мере отражает давний культ Пресвятой Девы на баварской земле, ее восприятие как небесной покровительницы этих мест. Официально этот статус был признан Ватиканом в 1916 году, когда к титулам Марии добавилось «*Patrona Bavariae*».

В 1960-е годы колонну и цоколь заменили на новые. Статую Мадонны, которая датируется 1593 годом (до открытия колонны она находилась во Фрауэнкирхе), тогда же отреставрировали и заново покрыли позолотой.

Мариинская колонна — центральная точка Мюнхена, его «нулевая верста», начало отсчета километров всех расходящихся от города дорог. И сама площадь, как помним, — отправная точка многовековой мюнхенской истории. В прямом или переносном смысле она может служить и для нас началом прогулок по баварской столице.

СТАРЫЙ ДВОР — ХОФБРОЙХАУС

прогулка вторая

От Мариенплац к первой мюнхенской резиденции Виттельсбахов «Старый двор» ведет *Burgstraße*. Она упирается в сторожевую башню. На ее стенах — гербовые украшения, там же можно прочесть историческую справку, переносящую нас в середину XIII столетия, ко временам правления Людвига Строгого. Он был первым из Виттельсбахов, кто начал обустраиваться в молодом Мюнхене. Параллельно Бургштрассе проходила первая городская крепостная стена. К ней и пристроен был герцогский двор.

Своим настораживающим

прозвищем Людвиг был обязан некоторым чертам стиля правления, но в первую очередь жестокой расправе с женой Марией. В его руки случайно попало ее письмо, предназначавшееся другому. Дружественные ноты послания герцог воспринял как знак измены и в гневе приказал обезглавить неверную, а заодно и нескольких лиц из ее окружения. Лишь некоторое время спустя он убедился, что оснований для гнева не имелось. В раскаянии Людвиг заложил в память казненной монастырь.

Мария не успела оставить ему потомство. Зато в следующем браке у Людвига Строгого появилось трое детей, а в третьем еще пятеро. Сразу успокою вас: вторая супруга скончалась при вполне мирных обстоятельствах, после чего герцог и женился снова. Последним его ребенком стал мальчик, получивший имя отца — Людвиг (одно из доминирующих в роду Виттельсбахов). Восьмой ребенок, казалось бы, не имел шансов занять место баварского правителя. Судьба, однако, распорядилась по-своему.

Людвиг-младший, он же позднее известный как Людвиг IV Баварский (его скульптурное изображение мы видели на фасаде Старой ратуши на нашей первой прогулке), родился в этой резиденции на исходе XIII века. Сегодня мало что напоминает здесь о его родном доме. Иначе выглядит уже сама сторожевая башня, через которую мы входим во двор. Нет хозяйственных строений — курятника, кухни, пекарни, купальни... Они были пристроены к крепостной стене по правую сторону от ворот. На их месте тянется современное здание. Сами Виттельсбахи жили в постройках напротив, они сохранились, хотя и со многими изменениями. Один из фасадов украшен привлекающим внимание расписным деревянным эркером, который очень бы удивил Людвига, попади он сюда сейчас.

А вот этот факт должен в свою очередь удивить нас. Ведь в любом путеводителе можно прочесть, что именно по этому эркеру в конце XIII века карабкалась вверх жившая при доме прирученная обезьянка... карабкалась, крепко прижимая к себе одной лапой младенца, и этим младенцем был не кто иной, как последний сын Людвига Строгого. Отрубили ли обезьяне голову, а заодно и всем недосмотревшим нянькам и слугам, легенда умалчивает. Она лишь рассказывает, что когда ребенок захныкал в своей люльке и к нему никто не поспешил подойти, мартышка попыталась сама его успокоить, и подражая тому, что не раз наблюдала в доме, принялась убаюкивать его на своих лапах, мурлыкать. Мне представляется, что доброе животное очень старалось и даже, возможно, немного гордилось тем, что сумело воспроизвести мягкую мелодию. Но в ушах младенца, судя по всему, эти звуки отзывались леденяще, отчего он расплакался уже не на шутку... Эту сцену и застала одна из нянек, тут же завопившая от ужаса во все горло. Стал сбегаться народ, и испуганная обезьянка решила спастись бегством — через открытое окно, вверх, и так — до самой макушки... Все кончилось благополучно. Нашли способ заставить ее спуститься, ребенок остался цел и невредим.

Неправдоподобная и, по-своему, очень правдивая история! Ведь она предсказывает всю будущую жизнь младенца, преисполненную бед, потрясений, вражды близких и далеких, бесконечной борьбы, в которой ему приходилось, если можно так выразиться, балансировать на высоте славы и смертельной опасности. Людвигу суждено было

стать не только баварским герцогом, но и королем германцев, императором Священной Римской империи.

Но вот беда: историки-искусствоведы определили, что «обезьянья башня» появилась почти двести лет спустя после рождения Людвиг. Однако у баварцев не так просто отнять легенду: эркера, может, и не было, но обезьяна-то точно была, и вскарабкалась она с младенцем на шпиль стоявшей напротив придворной церкви, а когда церковь снесли, люди стали показывать на появившийся эркер — мол, вот как высоко тогда забралась...

В те времена в династии Виттельсбахов не было закона, предписывавшего передачу всей полноты власти старшему по мужской линии. Такой принцип они утвердили лишь в 1506 году, и это определило дальнейшую неделимость Баварии. До тех пор герцогство дробилось в угоду очередным наследникам, что сопровождалось порой междоусобными неурядицами и войнами. В случае с Людвигом ситуация обострялась столкновением интересов и со старшим братом Рудольфом и с двоюродным — австрийцем Фридрихом Прекрасным Габсбургом.

С Фридрихом Людвиг был особенно дружен с детства, часть которого провел в Вене. Когда Людвиг подрос, именно Габсбурги заставили Рудольфа признать младшего брата соправителем Баварии. Однако вскоре расклад политических интересов поменялся: Людвиг и Фридрих оказались во главе противостоящих семейных кланов и вынуждены были вступить в долгую и не бескровную борьбу. В 1313 году Людвиг одержал первую военную победу над Фридрихом. Они встретились в Зальцбурге, обнялись и провозгласили окончательное решение всех споров. То ли лукавили, то ли поторопились. В том же году умер император Священной Римской империи, и это всколыхнуло новый виток политических страстей в Европе, выдвинувших на вакантное место только что примирившихся кузенов. И дальше происходит неожиданное: империя в своих симпатиях раскалывается на две части, и каждая выбирает себе своего предводителя — одна Людвиг Виттельсбаха (большинством голосов), вторая Фридриха Габсбурга. Папа Римский, который как-то мог бы проявить свое влияние, незадолго перед тем умер, а нового папу сумели выбрать только пару лет спустя. И тот принял сторону австрийца.

Король и антикороль, император и антиимператор сосуществуют довольно продолжительное время, на которое выпадают военные битвы (и пленение Людвигом Фридриха), предательство брата Рудольфа, переметнувшегося на сторону Габсбургов, объявление Людвиг Папой Римским еретиком, попытки Людвиг избрать нового папу (антипапа Николай), поиски путей примирения с Фридрихом... Потом следуют одна за другой смерть Рудольфа, Фридриха, папы, антипапы... Но на смену соперникам приходят новые, которые в 1347 году выдвигают нового антикороля. И тут Людвиг умирает, на 66-м году жизни.

В папской корреспонденции его подчеркнуто именовали «Людвигом баварцев», приписывая роль его европейского влияния. Людвиг при этом уверенно правил большей частью империи и не без гордости называл себя на папский манер *Ludwig der Bayer*. Однако править старался не из Мюнхена — возможно, чтобы не играть на руку тем, кто считал его только правителем баварцев. В те времена империя не имела ни официальной столицы, ни административного центра (позже таковым стал Регенсбург), но были исторически сложившиеся места, чаще — независимые города, где Людвиг и предпочитал вершить государственные дела. Из числа всех вышедших из его имперской канцелярии документов только 19 % помечены Мюнхеном. Всего же в своем родном городе за тридцать с лишним лет императорства он провел около пяти с половиной.

Вот тогда и превращалась герцогская резиденция в «Кайзербург» — императорский двор, к которому съезжались верные германские правители, готовые «*mit Rat und Tat*» (советом и делом) служить императору Людвигу. Тут можно было встретить видных юристов и францисканских теологов (противостоящий Папе Римскому орден францисканцев был приглашен Людвигом в Мюнхен). Тут появлялись и посланцы грозных тевтонцев, коих император поощрял к новым набегам на литовское и русские княжества, словно бросая вызов давно уже покойному Александру Невскому. В придворной церкви с особым почетом хранились перевозимые за императором реликвии рейха — имперская корона X века, копьё Святого Маврикия, фрагмент Животворящего Креста и другие.

Воинственные звуки и голоса, которыми наполнялся Кайзербург, перемежались мирным скрипом телег, кудахтаньем, шумом протекавшего сразу за крепостной стеной бурного ручья, на котором крутила жернова придворная мельница. Поблизости располагалась герцогская купальня. От прижатых к стене хозяйственных построек в воздухе разливался аромат свежего хлеба, тянуло мясным дымком от жаровен...

После смерти Людвига здесь еще почти полтора столетия текла придворная жизнь. Она замерла лишь в начале XVI века, когда очередной правитель-Виттельсбах перебрался в новую резиденцию. В Старом дворе оставались жить некоторые члены семьи, размещались герцогские службы, в том числе хозяйственные — к дворовым запахам добавился аромат солода от появившейся здесь виттельсбаховской пивоварни (Хофброй), а к дворовым звукам — рычание львов из обустроенного тут зверинца. В отличие от уже знакомой нам обезьян-

ки, львы, надо полагать, не разгуливали по двору, разве что в пределах своих клеток. Появившихся здесь на свет молодых львят отправляли в качестве подарков к великосветским дворам.

Еще в начале XIII века изображение льва, широко распространенное в средневековой европейской геральдике, утвердилось и на щитах рода Виттельсбахов. В том же веке к их символике добавились белосиние ромбы. То и другое и сегодня относится к геральдическим элементам Баварии.

Жизнь и быт Старого двора времен Людвига Баварца можно лучше представить, если спуститься в подвал находящегося здесь информационного туристического центра. Небольшая экспозиция погружает в средневековый Мюнхен.

Северная арка Старого двора выводит нас на улицу *Hofgraben*. Сразу за аркой обратим внимание на конную статую Людвига Баварского в тоге римского императора (ск. Виммер, 1967). А наискосок напротив — на здание, которому довелось послужить и в качестве конюшен, и (одновременно) склада художественных ценностей, а затем и монетного двора.

Что там написано на фасаде под фронтоном? *Moneta regia*.

Монетный двор – Alte Münze

Сейчас это здание занимает департамент охраны памятников. В рабочее время можно свободно пройти во внутренний двор (через центральный вход или сбоку, через ворота). Двор производит впечатление — его опоясывают трехэтажные аркады из времен Возрождения, выполненные в «немецком духе». Первоначально, в XVI веке, в нижнем этаже разместились каретные сараи и конюшни, во втором — рабочие комнаты и кабинеты, а третий служил складом для произведений искусства и собрания предметов из разряда редкостей и диковин (проще — баварская кунсткамера).

В 1809 году здание было приспособлено для чеканки королевских монет. Конюшенные помещения превратились в цеха. Со стороны заднего фасада внутрь завели протекавший рядом бурный ручей, вода крутила лопасти колеса, от которого приводились в действие станки.

Сто лет спустя парочка находчивых приятелей догадалась проникнуть по руслу ручья, под покровом ночи, в хорошо охраняемое здание и похитила монеты, общей суммой в сто тридцать с лишним тысяч марок.

Более экзотическое событие можно было наблюдать в монетном дворе в 1929 году: в присутствии профессиональной публики и под присмотром жандармов человек по имени Франц Таузенд продемонстрировал опыт с получением золота из свинца. Жандармы, кстати, охраняли в данном случае совсем не драгоценный металл, а самого экспериментатора, поскольку он был доставлен из следственного изолятора, где содержался по случаю бегства с места автомобильной аварии. Алхимик XX века? Да, и далеко не единственный в 1920-30-х годах. Но самый знаменитый в Германии. О нем писали при жизни и после смерти, которая настигла его в 1942-м в одной из баварских тюрем. О нем ставили пьесы и снимали фильмы. Его обвиняли в мошенничестве, но почему-то находились люди, которые снова готовы были вложить деньги в его магические опыты. На эксперимент в монетном дворе были собраны большие суммы... И кем? Генералом Людендорфом, человеком-легендой Первой мировой войны, не смирившимся с крахом рейха, ненавидевшим новые демократические институты и с го-

товностью встававшим под знамена их врагов. В 1923 году он возглавил вместе с Гитлером мюнхенский путч, в конце 1920-х разочаровался в национал-социализме и его фюрере и стал погружаться в плен конспирологических теорий и шарлатанских затей.

История часто представляется нам нагромождением повторяющихся глупостей. Вот и этот случай. Где, как не в Мюнхене публично, прямо на Мариенплац, отрубили голову известному авантюристу XVI века Марко Брагадино? Он тоже всем обещал золото... и каждый раз спасался бегством от поддавшихся на его наживку кредиторов — герцога Мантуи, патрициев Венеции... Однако был приглашен в Баварию, и не кем иным, как самим Вильгельмом V (вспомним механические фигуры на башне Новой ратуши, где по случаю свадьбы Вильгельма разыгрывается рыцарский турнир). Герцог радел за баварскую казну, а также страдал головными болями, которые Марко обещал, заодно, вылечить... Но не вылечил и не обогатил, за что и поплатился собственной головой.

Знали ли эту историю Таузенд и Людендорф? Наверняка, и если не эту, то какую-нибудь похожую — из жизни знаменитых странствующих алхимиков прошлого. И тем не менее, специально для опытов Таузенда Людендорф создает инвесторское «Сообщество 164». В случае успеха генерал должен был лично получить 75% прибыли, которые собирался потратить на «благо отечества». Таузенд (к слову: фамилия ученого шарлатана в свете ожидавшихся барышей тоже ласкала слух, поскольку означала число «тысяча») в ходе опыта продемонстрировал присутствующим полученную на их глазах ничтожную крупинку золота. Раздались аплодисменты... Потом он все же был признан мошенником, и многие строили догадки, каким таким трюком ему удалось обмануть внимательную публику...

Несколько слов стоит сказать об истории монетного двора. Он появился одновременно с рождением Мюнхена, и с тех пор носит титул самого старого предприятия города. Первоначально двор располагался в центре рыночной площади (Мариенплац), но в конце XIII века был разгромлен взбунтовавшимися горожанами, не пощадившими и главного чеканщика. Причиной гнева послужило недовольство заниженным содержанием серебра в монетах, что приводило к их обесцениванию. Говорили, что плутовство с серебром совершалось по герцогской воле (им был Рудольф, старший брат будущего Людвига Баварца), и тем не менее за разбой и расправу город вынужден был заплатить герцогу приличную сумму штрафа, на которую тот отстроил новую де-

нежную «кузню» у себя под боком, рядом со Старым двором, о чем напоминает название одной из соседних улиц — *Münzenstraße* (Монетная). Спустя пять веков фабрику перевели в это здание, где монеты продолжали чеканить на протяжении еще 177 лет. И не только монеты. Тут, например, были изготовлены медали для мюнхенских Олимпийских игр 1972 года. В 1986-м предприятие было переведено в другую часть города.

История с алхимиками заставила нас вспомнить герцога Вильгельма V, правившего во второй половине XVI века. Мы еще раз вспомним его, когда будем знакомиться с собором Св. Михаила. А сейчас можем поблагодарить этого герцога за основание придворной пивоварни — *Hofbräu*. С этим и направимся к Хофбройхаусу.

Вдоль бокового фасада бывшего монетного двора тянется *Pfisterstraße*. Через пару минут она и выведет нас к самой знаменитой мюнхенской пивной. По пути обратим внимание на здание, увитое плющом — бывшая придворная мельница, около которой сливались прежде два бурных ручья. Сейчас в ней размещается ресторан «*Pfistermühle*». *Pfister* – слово почти забытое, обозначающее пекаря, *Mühle* – мельницу.

Hofbräuhaus (Platzl,9)

На подходе к Хофбройхаусу предлагаю продолжить занятия лингвистикой.

На этикетках пивных бутылок порой встречается слово «Bock» — *Maibock, Doppelbock*... В начале XX века «Бок-Бир» производилось в Санкт-Петербурге на заводе «Бавария».

Одно из значений слова *Bock* — не что иное, как козел. Но при чем тут пиво: майский козел, двойной козел? В пивном лексиконе слово это образовалось в результате разговорной трансформации от названия города в Нижней Саксонии: Айнбек (*Einbeck*). Где Нижняя Саксония и где Мюнхен! Но именно оттуда в Старый двор привозили к столу Виттельсбахов крепкое пиво. Крепость гарантировала сохранность напитка во время длительных перевозок. В XIV—XVI веках айнбекское пиво доставлялось в Гамбург, Амстердам, Данциг, Ригу... Говорят, его очень хвалил отец немецкой Реформации Мартин Лютер. Вот и Вильгельму V, правившему Баварией во второй половине XVI века, оно нравилось. Но обходилось недешево. Мы уже упоминали, что в хлопотах о пополнении казны Вильгельм даже возлагал надежды на алхимию. Итальянского чародея, однако, казнил, и вскоре убедился, что более надежным источником доходов может служить основанная им придворная пивоварня. Со временем было решено пригласить саксонского мастера, чтобы он научил варить крепкое пиво по-айнбекски, в баварском произношении «*айнпёкиш*». Судя по всему, слово это звучало невыразительно и его невольно стали коверкать: «оанпок» и т. п., пока не пришли к четкому и простому: *bock*, что и стало обозначением крепких сортов пива: майское крепкое, двойное крепкое... (в свете этого мы могли бы дать новую трактовку русскому выражению «забить козла» — выпить крепкого пивца).

Историки уверяют, что именно это пиво спасло Мюнхен в 1632-м от разорения протестантской армией. «Bock» очень понравился королю Густаву Адольфу, и тот потребовал выдать ему в обоз чуть ли не все запасы придворной пивоварни, за что обещал запретить своей армии грабить и осквернять город.

Вот теперь я в некотором замешательстве: кто же спас в тот год Мюнхен — Пресвятая Дева, в благодарность которой тогдашний герцог водрузил колонну на центральной площади, деньги, врученные Густаву

Адольфу городской депутацией, заложники, которых он прихватил с собой в виду дальнейшей выплаты контрибуции или все-таки баварский «Воск»?..

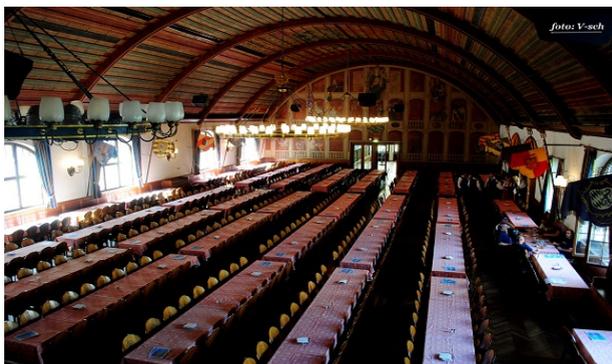
Но мы не закончили наши лингвистические упражнения: *Hof-Bräu-Haus* это три слившихся слова, где первое означает двор (в то время герцогский), второе пивоварню и третье дом, буквально — Дом придворной пивоварни.

На фасаде можно прочесть не только название, но и увидеть дату основания фабрики — 1589, изображение короны (в середине XIX века предприятие стало государственным, но виттельсбаховская корона была сохранена в его символике), над эркером с северной стороны — фигуру помощника пивного мастера. Его прозвали Юлиусом по имени создавшего его скульптора Юлиуса Йордана.

Первоначально пивной заводик находился на задворках резиденции — Старого двора, а на этом месте был построен один из цехов. Со временем производство было полностью переведено сюда, фабрика несколько раз модернизировалась, здание перестраивалось. Нынешний облик оно приобрело к началу XX века, когда пивоварню перевели в другую часть города, а здесь решено было обустроить большое пивное заведение. Архитектор Литманн придал ему неоренессансный вид в память эпохи Возрождения, в которой и родилось знаменитое «НВ».

Здесь всегда можно найти место: и в нижнем этаже, представляющем типичную баварскую пивную под сводчатыми расписными потолками с длинными столами, скамьями, духовой музыкой, и выше, где помещения приобретают ресторанный вид — небольшие столы, белые скатерти, стулья... В теплое время можно устроиться в саду под каштановыми деревьями или на балконной террасе. Хофбройхаус располагает также несколькими банкетными залами, самый большой из которых находится на верхнем этаже. Туда и предлагаю подняться — проще всего это сделать через двери слева от главного входа, по лестнице — на самый верх.

Кроме впечатляющего интерьера зал этот интересен исторически событиями. 6 апреля 1919 года, через пять месяцев после победы антимонархической революции, власть в Мюнхене в результате путча захватили левые радикалы, учредившие Советскую республику Бавария.

Неделю спустя на заседании солдатских и рабочих советов в Хофбройхаусе республика была провозглашена Коммунистической. Новая власть продержалась еще пару недель (в память ее в Петрограде позже открыли пивной завод «Красная Бавария»). Но в хаосе послевоенной разрухи дали ростки новые крайние силы.

24 февраля 1920 года на ораторские подмостки этого зала поднимется никому не известный ефрейтор Гитлер. К тому времени он уже несколько месяцев состоял в Немецкой Рабочей партии. Сама партийная верхушка собиралась в небольшой пивной «Штернекерброй» (*Sternekerbräu*) — неподалеку отсюда, на улице Таль (*Tal*). К февралю при участии Гитлера была разработана программа, формулирующая цели и средства борьбы, и партия решила устроить массовое политическое шоу, для чего и был арендован праздничный зал Хофбройхауса. Как уверяли сами нацисты, в зал набилось около 2 000 человек. Впрочем, «нацистами» («*nazi*») их до тех пор никто не называл. Но именно в этот день в докладе Гитлера прозвучало новое название партии — Национал-Социалистическая. Этот день поставил точку в истории небольшой рабочей партии и открыл первую страницу в истории гитлеровского национал-социализма. Между этим днем и началом Нюрнбергского процесса лежит 25 лет...

Велик соблазн все свалить на пиво — мутит разум, разжигает вражду... В этом отношении показательны высказывания поэта Андрея Белого, который осенью 1906 года сиживал с кружкой и в Хофбройхаусе, и в пивной «Августинер» и по свежим впечатлениям описывал экзотичных, но вполне миролюбивых завсегдатаев: «Сердце мюнхенца обращено к пиву, и я уверен, что и в жилах мюнхенца течет

пиво и только пиво... Рабочий выпивает до семи литров в день, и социал-демократы полагают, что революцию здесь можно вызвать только единственным средством: поднять цену на пиво хотя бы на один только пфенниг». И в самой осенней атмосфере Мюнхена виделось поэту нечто особенное: «пивом веет здесь воздух, и золотой закат хмелит, как пиво». Но в начале 1930-х Белый уже добавляет к своим воспоминаниям умозрительное рассуждение: «...с начала ж войны... лик „мясника” приподнялся над кружкою употребителя пива».

И все же не пиво делает человека «мясником» истории, также как не вино стало причиной больших и малых французских революций, и не водка виной всех потрясений России XX века. Прислушаемся к меткому наблюдению Н.К. Крупской: «Особенно охотно вспоминаем мы мюнхенский Хофбройхаус, где хорошее пиво размывает классовые различия».

Сказано это в 1901-м, в то время, когда в Мюнхене издавалась газета «Искра». Годы спустя, в августе 1913-го, Ленин с Крупской оказались в Мюнхене проездом, у них было всего несколько часов между поездами, и большую часть времени они провели с друзьями в Хофбройхаусе. Пиво, баварская атмосфера, нахлынувшие воспоминания — все поднимало настроение, и Крупская стала шутливо расшифровывать аббревиатуру латинских букв «НВ» на кириллический лад: «Народная Воля». Над супругом, который с улыбкой поглядывал на добродушных баварцев в коротких штанишках и украшенных перьями шляпах, подтрунивала: «Ильич похваливал мюнхенское пиво с видом знатока и любителя...»

Шутка Крупской — вольно или нет — отражает «народность» пивной культуры Баварии, именно культуры, а не культя. Разумеется, не баварцы изобрели пиво, но они оказались не только пытливыми пивоварами, но и сумели все, что происходит вокруг готового напитка, поднять на уровень национального искусства, тонко вплетая сюда свои традиции, обычаи, самобытность, склонность к юмору и доброжелательность. Можно вспомнить «баварский завтрак» с белыми колбасками и другие особенности национальной кухни «под пиво», народные гуляния — дни пивоваров, фестиваль Октоберфест, весеннее (в период поста) празднество *Nockherberg* — в честь крепкого пива, а также ярко представленные в пивных праздниках и буднях народные наряды, фольклор, музыку, танцы... А ежегодные выборы королей пива, хмеля, белых колбасок!.. А существующее с 1899 года «Общество против мошеннического разлива»!.. Не забудем в этом ряду упомянуть

интерьеры и саму атмосферу питейных залов и, конечно, притягательность тенистых пивных садов под кронами каштанов... Не всё ли это имел в виду художник Леонид Пастернак, когда говорил: «Париж — это женщина, Мюнхен — пиво»?

Другой художник, Кузьма Петров-Водкин, впервые, как и издатель «Искры», увидевший Мюнхен в 1901 году, вспоминал позднее о «мечтательном добродушии баварской столицы», которую, как ему представилось, с момента ее основания трудолюбивые монахи и крестьяне «дружно и долго лелеяли... молитвами, пивом и молоком». Завсегдатаи пивных располагали к себе «симпатичной ленцой». Их отличала свойственная добродушным людям упитанность. Петров-Водкин даже уверял, что в Мюнхене «не встречал хилых и костлявых, за исключением иностранцев, еще не успевших откормиться или уже не поддающихся никакому откорму», а также «английских старых дев» с неизменными «бедекерами» (путеводителями) в руках.

Кажется, от зоркого взгляда художника не скрылось нечто важное, что отличает баварские пивные традиции: отблеск улыбки, иронии. И сам он подхватывает ту же ноту, когда вспоминает своего русского приятеля-трезвенника, с презрением смотревшего на кружку мюнхенского пива: «Несчастный, очевидно, по наследственности совершенно лишен был бодрящего чувства алкоголизма».

Одна из замечательных местных пивных традиций называется *Stammtisch*, она обозначает место и группу людей, регулярно встречающихся в пивной.

В залах нижнего этажа Хофбройхауса обращают на себя внимание многочисленные вывески над столами с названиями таких групп: «Старые баварцы», «Завиралы» (*Lügenbarone*), «Форстенридовские сплетницы» и т. д. и т. д. На задней лестнице располагается галерея

групповых портретов с указанием года основания, дня регулярных

встреч в пивной и, конечно, объединяющего эту компанию девиза. У «Сплетниц» — известное изречение «Одна за всех и все за одну!», у других — «Виват, Бавария!», «Мы есть мы», «Живи и дай жить»... Некоторые группы вывешивают над столами портреты кумиров из числа исторических персон. Среди них, например, король Людвиг II, строитель знаменитого альпийского замка Нойшванштайн, или сменивший его и ставший необыкновенно популярным принц-регент Луитпольд.

Завсегдатаев легко узнать по баварским нарядам, по личным кружкам (которые они хранят в индивидуальных ячейках пивной). У них даже есть собственная, локальная, валюта в виде жетонов, каждый из которых «конвертируется» в литровую кружку пива только в Хофбройхаусе. Как правило, они приветливы, добродушны, давно привыкли к толпам туристов и не станут возражать, если вы их сфотографируете.

Вглядываясь в их лица, я все время пытаюсь разгадать, кто же из них знаменитый Алоизиус. Ах, да — я еще не рассказывал вам о нем. Значит, самое время. И можно за кружкой пива...

В качестве легкой закуски предлагаю выбрать то, что называется «*Brotzeiteller*» — тарелку или деревянный поднос, на которых

варьируется ассорти из колбасок, паштетов, ветчины, огурчиков, редиски или кружочков редьки, колечек красного лука, масла, хлеба и, конечно, того, что называют *Obazda* и что представляет собой тертый мягкий сыр с маслом, пряностями, мелко натертым луком, почти обязательно содержащий тмин и иногда смягчаемый пшеничным пивом. Нет, воibly и раков у этих чудаков в пивных заведениях не водится... А обазду, как они считают, также вкусно намазывать на подсолненный крендель — брецце (брецель)...

Пиво выбираем по вкусу — *Helles* (светлое), *Dunkel* (темное), *Weißbier* (пшеничное, мутноватое), можно и безалкогольное или облегченное, наполовину разбавленное лимонадом — *Radler* (ячменное), *Russ'n* (пшеничное).

Так вот... Алоизиус от рождения звался Алоизом, а когда повзрослел, начал службу курьером при главном вокзале, вечера же проводил в Хофбройхаусе. Служил добросовестно, каждый день дисциплинированно являлся на работу и каждый день пунктуально выпивал бутылочку пива в обеденный перерыв, а после работы обязательно направлялся в любимую пивную. А когда умер, за добросовестный труд и добропорядочный образ жизни был вознесен на небеса, где сам апостол Петр посвятил его в ангелы и дал небесное имя Алоизиус.

Имя ему понравилось и выделенное для обитания облако тоже, но как выяснилось, на небесах не подают пива... Алоизиус заскучал. И тут Бог вспомнил, что давно собирался дать баварскому правительству несколько мудрых советов. С ними и отправили новоиспеченного ангела с небес в командировку в Мюнхен. Ноги курьера, истосковавшегося по пиву, сами понесли его к Хофбройхаусу. Он зашел сюда ненадолго, но выйти так и не смог. Оказалось, что лучше этого рая никакого иного нет. С тех пор — а эта история, рассказанная нам остроумным писателем Людвигом Тома, относится к 1911 году, — и сидит здесь. А баварское правительство так и остается обделенным небесной мудростью и поддержкой.

За Алоизиуса! Прост!

Так в чем же особенность баварского пива? Почему оно, словно бриллиант, сверкает в оправе вековых традиций народной культуры? Извините за велеречие, но как обойтись без него в этой отрадной атмосфере...

Секрет прост и сводится к трем словам — вода, зерно, хмель. Вот из чего издавна в Баварии, а с конца XIX века и по всей Германии, варят пиво. Все остальные добавки, которые позволяют себе, по собственному вкусу и разумению, пивовары во всем мире, здесь неприемлемы.

Некоторые мастера и до баварцев догадывались, что в пиво лучше ничего не подмешивать, что напиток самодостаточен, если его приготовление ограничить теми ингредиентами, без которых его вообще невозможно сварить. Но еще больше пивоваров, и в той же Баварии, добавляли по личным пристрастиям или расчетам то можжевельник, то тмин, соль, кориандр, а то и белену или красавку, шла в ход и телячья желчь и многое иное. Эта «свобода творчества» в Мюнхене продолжалась довольно долго, пока в 1447 году городской совет не объявил, что лицензия на продажу пива отныне будет выдаваться только тем, кто варит его без примесей. Сорок лет спустя важность

этого мюнхенского нововведения была подтверждена предписанием баварского герцога. А 23 апреля 1516 года правило трех ингредиентов приобрело форму общеправового закона, то есть было распространено за пределы столицы. Конечно, в течение последних пяти столетий допускались некоторые отклонения, вводились корректировки, но закон 1516 года оставался и сегодня остается эталоном, гарантом изготовления чистого, здорового напитка. На его строгих ограничениях базируются нынешние общегерманские пивные нормативы.

Еще одной неоценимой заслугой мюнхенских пивоваров можно назвать смелое внедрение и «обкатку» новых технологий, в корне изменивших во второй половине XIX века процесс пивоварения: внедряются охладительные агрегаты мюнхенского профессора Карла фон Линде, используются открытия Луи Пастера в области брожения... Одним из флагманов модернизации становится пивоварня Шпатен. За ней не отстают Хофброй, Августинер, Пауланер, Хакер-Пшорр, Лёвенброй.

Сегодня баварское пивоварение представляют около 630 фабрик. Шесть из них, только что названных, работают в Мюнхене. Именно этим шести принадлежит право представлять свою продукцию на грандиозном ежегодном фестивале Октоберфест.

Но, отдавая им должное, не будем забывать, что эта земля плодородна не только одаренными пивоварами, но и не менее талантливыми и богатыми на выдумку ценителями и знатоками пенящегося янтарного напитка. На этом симбиозе и держится слава баварского пива.

ВОКРУГ РЕЗИДЕНЦИИ

прогулка третья

пл. Макса Йозефа (*Max-Joseph-Platz*)

К Резиденции можно пройти от *Marienplatz* по *Dienerstraße*. Не более пяти минут займет путь до площади Макса Йозефа. На подходе обратим внимание на пивную «*Zum Franziskaner*» (*Residenzstraße 9*), пока только обратим...

От нее почти сразу же раскрывается площадь — фасад «королевских покоев» резиденции (над ним развеваются флаги Баварии и Германии), затем появляется театральное здание с колоннадой, а в центре восседающий на троне Макс Йозеф, вошедший в баварскую историю сначала как курфюрст Макс IV, а с 1806 года как король Макс I. Особенности этой метаморфозы отчасти можно проследить по истории самого места, на котором установлен памятник.

В конце XIII века здесь обжился приглашенный одним из предков Макса орден монахов-францисканцев. На месте площади мы могли бы увидеть монастырский двор — с церковью, кладбищем, хозяйственными и жилыми постройками. Наискосок, там где мы заметили заведение «*Zum Franziskaner*», стоял пивной заводик, также принадлежавший монахам.

Все это более или менее мирно существовало на протяжении пяти с половиной веков, пока не было снесено волной, рожденной Веком

Просвещения, подхваченной Французской революцией 1789 года и последовавшими наполеоновскими войнами. Эта волна разрушила отжившую свое Священную Римскую империю, а с ней и мироустройство «старой» Европы. Коренные преобразования можно буквально свести к двум ученым словам: *медиатизация* и *секуляризация*.

Первое означало, что все церковные и большинство малых светских суверенных территорий, входивших в империю, аннулируются и поглощаются более крупными; соответственно, у подданных меняется суверен. Из первого вытекало второе: к крупным переходило общественное (государственное) имущество поглощаемых, что в случае имперских аббатств и религиозных княжеств подразумевало все земельные угодья (к этому времени в Баварии 56 % территории принадлежало церковным автономиям), а также недвижимость, собрания исторических и художественных ценностей, библиотеки, мануфактуры...

В русле этих веяний курфюрст Макс в начале 1802 года подписывает декрет о роспуске монастырей. Монахам, которые поневоле стали «расстригами», ничего не оставалось, как искать себе применение в мирских профессиях, а для не имевших к тому расположения или немощных создавались государственные богадельни.

В ночь на 4 марта с применением военной силы с территории монастыря вывозят оставшуюся горстку францисканцев, не желавших покидать свои кельи. Вскоре начинается снос построек, кладбище расчищается, несколько «именитых» надгробных плит переносятся на фасады Фрауэнкирхе. Босоногих (францисканцы носили сандалии на босу ногу) сменили обутые в добротные сапоги королевские солдаты: это место временно превращается в учебный плац мюнхенского гарнизона...

Дальнейшее развитие европейских событий приносит Баварии новые обширные владения на периферии — земли упраздненных франконских и швабских государств, в том числе и такие большие города, как Нюрнберг и Аугсбург. Так в баварскую государственность влились еще две народности — швабы и франки.

1 января 1806 года Макс Йозеф в здании мюнхенской резиденции в присутствии Наполеона принимает на себя титул короля. И, нужно отдать его величеству должное, тут же вместе со своим незаурядным министром графом Монжеля берется за реформирование новорожденного королевства: уже через два года монархия добровольно приобретает конституционную форму. В Баварии декларируется равенство условий, свобода совести, проводятся глубокие государственные ре-

формы, в том числе искоренение остатков крепостнической зависимости (которой к тому времени было охвачено лишь 2 % населения), в 1818 году начинает работать парламент... Все это, к слову сказать, отражает политический климат «новой» Европы, вызвавший брожение в умах наших будущих декабристов.

Новому содержанию требовались новые формы, и, неудивительно, что столица королевства начинает активно перестраиваться и приобретает более парадный вид.

Вскоре дошло дело и до возведения давно задуманного большого «придворного и национального» театра (арх. Карл фон Фишер). К несчастью, после открытия здание было почти полностью уничтожено пожаром, — что тут же получило среди горожан толкование «божьей кары» за изгнанных францисканцев. Восстанавливал его архитектор Лео фон Кленце, сыгравший значимую роль в обновлении облика столицы.

Портик театра украшен коринфской колоннадой и двумя фронтонами. Один посвящен Аполлону в окружении муз, на другом изображен Пегас с богинями времен года.

Аполлон принял Мюнхен под свое покровительство задолго до возведения этого театра. В XVI веке герцогскую капеллу возглавлял один из европейских музыкальных гениев Орландо ди Лассо. В середине следующего века зарождается придворная опера. В XIX, уже в этом здании, состоялись премьеры нескольких опер Вагнера. В совре-

менную историю театра вписаны имена и наших соотечественников — авторов, исполнителей, дирижеров, постановщиков. С 2021 года музыкальным директором баварской оперы является Владимир Юровский.

Вместе с музыкальным искусством на придворных подмостках издавна разыгрывались комедии, драмы. Сегодня в Мюнхене в этом жанре работают несколько профессиональных театров. Один из них скромно примостился тут же на площади — между резиденцией и Национальным театром. До войны на его месте находился камерный придворный театр. Он был сильно разрушен, и вместо него построили новое здание — «Резиденц-театр».

Мюнхенцы оставались недовольны: исчезнувший театр был одним из творений прославленного декоратора Кювилье и славился помпезными интерьерами рококо. Зато можно себе представить, как обрадовался на том свете архитектор Кленце! Говорят, он настолько не переносил вычурное рококо, что даже приказал вывезти за город целый фургон доставшихся ему по службе архивных эскизов и чертежей Кювилье и предать их огню. Возможно, это утверждение носит фигуральный характер. Зато сохранился документ более раннего времени — 1770 года, в котором баварский курфюрст осуждает рококо как «смешной» вид декора, подходящий, разве что, для деревенских церквей. И все-таки ропот жителей послевоенного Мюнхена был услышан, и театр Кювилье воссоздали, но уже в другой части резиденции.

Но вернемся ко временам Кленце. Архитектор не только участвует в восстановлении пострадавшего от пожара Национального театра, но и вносит весомый вклад в формирование ансамбля самой площади. Ему поручается построить новые «королевские покои» (*Königsbau*). Тем, кто бывал во Флоренции, несомненно вспомнится Палаццо Питти XV века. Во «флорентийском» духе перестраивает Кленце и стоящее напротив здание тогдашней почтовой службы.

Одновременно, в 1835 году, появляется памятник покойному Максиму Йозефу.

У подножия его трона изобразили и придворного архитектора. Кленце стоит по правую руку короля и смотрит на свое творение «а-ля Питти». Примечательно, что Кленце оказался автором последнего здания комплекса царской резиденции в Санкт-Петербурге — Нового Эрмитажа, возведенного по заказу Николая I.

Как и многие памятники, монумент короля Макса любим голубями. Некоторые мюнхенцы уверяют, что птицы охотно садятся на голову его величества вовсе не для справления нужды, а исключительно чтобы полюбоваться неповторимым архитектурным ансамблем.

И все же при знакомстве с этой несколько «фанфарной» историей трудно избавиться от нотки сочувствия или недоумения: изгнанные монахи, тотальное и насильственное уничтожение веками сложившегося уклада... К слову сказать, бок о бок с францисканцами находились два женских монастыря, история которых тоже восходит к XIII веку. Носили они названия по имени богатых мюнхенских семей Ридлер и Пюттрих, на средства которых появились на свет.

Монастырь «Ридлер» был распущен лет за двадцать до повальной секуляризации. Уже тогда строились планы расширения резиденции и началась борьба за прилегающую к ней территорию. Официальную причину, однако, сформулировали так: женскому монастырю не пристала столь «тесная близость» к светской резиденции. Ватикан согласился с этим мнением, и монахини были переселены в другие монастыри.

«Пюттрих-фрауэн» жили и молились на месте здания ресторана «Шпатен» (*Spatenhaus*) и соседних домов. Их община была распущена одновременно с францисканцами в 1802-м, и та же участь постигла тогда несколько сотен обитателей в Баварии.

Монашеский уклад смог возродиться лишь со временем и, что и подразумевалось, только в рамках правового поля конституционного королевства. Через два с лишним десятилетия (в 1820-х) духовные общины стали появляться в Мюнхене и в баварской провинции. По-

движником в этом процессе, а в некоторых случаях и частным спонсором, становится не кто иной, как сын Макса I король Людвиг I. Парадоксальным образом, правил он теперь из новых апартаментов резиденции, выстроенных Кленце как раз на месте снесенных монастырей.

Королевство Бавария просуществовало сто с небольшим лет. К началу Первой мировой войны в результате реформ и общественных процессов в нем значительно окрепла политическая роль парламента. Это обстоятельство, по мнению историков, во многом обеспечило бескровное развитие революции в 1918 году.

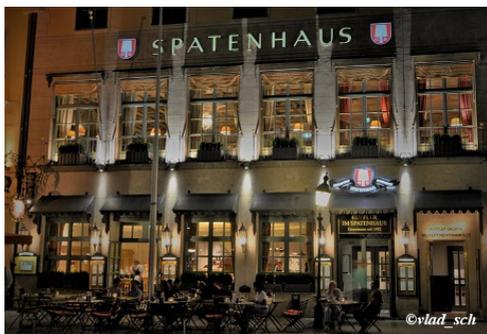
Но мы как-то увлеклись историческими выкладками и долго топчемся на месте. А напротив нас два почтенных заведения — *Zum Franziskaner* и *Spatenhaus*.

В одной из немецких прибауток говорится: если голова тяжелая и ноги вспотели, самое время выпить пива (*Der Kopf tut weh. Die Füße stinken. Höchste Zeit ein Bier zu trinken*).

К слову вспомнить, что когда Макс I и его министры национализировали церковное имущество, они не забыли и монастырские «бренды»: на аукцион в пользу баварской казны выставлялись марки популярных монашеских пивоварен. Так сохранились до наших дней мюнхенские «Августинер», «Пауланер» и «Францисканер»...

В заведениях напротив памятника королю Максу разливают «Шпатен», «Лёвенброй», пшеничное «Францисканер». Разумеется, на выбор — светлое, темное, безалкогольное или облегченное — «радлер», «русс»... Впрочем, никто не будет удивлен, если вы закажете чай с яблочным штруделем. А тем временем мы можем продолжить наш разговор, оборвавшийся на словах «революция» и «русс»... (что-то в этом звучит почти родное: «там русский дух... там Русью пахнет!»)

Дата революции хорошо знакома каждому россиянину: 7 ноября. Только в Баварии она произошла годом позже: в 1918-м. Штаб революции — пивная «Mathäser», недалеко от вокзала. Там базировался

совет рабочих и солдатских депутатов. Чтобы не утратить революционный дух, а скорее всего по недостатку денег, мятежный люд разбавлял предлагавшееся там пшеничное пиво водой или лимонадом. Мюнхенские бургеры проявляли недовольство: мало того, что революцию затеяли вслед за русскими, так и пиво пьют не по-баварски... Что из этого больше возмущало горожан, вопрос спорный... С тех пор, как уверяют, и укрепилось за разбавленным пшеничным пивом название *Russ, Russe или Russ'n*. Волею судеб «русс» прижился, баварцы убедились в его миролюбивом характере, и сегодня этот напиток остается популярным наравне с «радлер» (*Radler*), в котором с лимонадом смешивается пиво ячменное.

Пока революционные массы разбавляли пиво, правнук Макса I, последний баварский король Людвиг III безмятежно любовался осенними красками Английского парка. То ли садовник, то ли случайный прохожий осмелился сказать ему, что на улицах становится неспокойно. По возвращении в резиденцию король увидел, что часть персонала и охраны покинула здание. К вечеру на площади стали собираться демонстранты. Ближе к полуночи высочайшая семья с небольшой свитой покинула на автомобилях Мюнхен. Путь лежал в замок Вильденварт недалеко от озера Кимзее, но по совету приближенных решено было двигаться дальше — так они добрались до австрийской территории. Ночью лидер революции Курт Айснер провозгласил Свободное государство Бавария (*Freistaat Bayern*). Виттельсбаховская монархия, продержавшаяся 738 лет, была тем самым низложена.

Новые власти предложили экс-королю вернуться в Баварию, что со временем он и сделал. В замке Вильденварт далеко уже не молодой Людвиг III пережил нелегкие времена, наступившие после войны и революции, но едва ли он мог себе представить, что из этого хаоса с годами вырастет нацистская диктатура, которая заставит его детей и внуков снова покинуть Баварию: добровольно и демонстративно. Это бегство закончилось драматически: семья была арестована в Венгрии. 30 апреля 1945 года американские солдаты обнаружили Виттельсбахов в числе узников Дахау под Мюнхеном. Среди них был 11-летний принц Франц. Ныне, как старший по первородству, он носит наследственный титул *его королевское высочество герцог баварский*. Титулы, потерявшие после революции политическое значение, остаются исторической и семейной традицией. Герцог Франц проживает в Мюнхене, в одном из флигелей Нимфенбургского дворца — бывшей загородной резиденции Виттельсбахов.

Столь же неожиданно, не по российскому сценарию, сложилась не только судьба правившей семьи, но и ее собственности. Сразу после революции новый кабинет министров постановил, что имущественные права Виттельсбахов *не* аннулируются революционным порядком. Началась непростая работа по вычленению частной собственности семьи из состава государственного имущества (коллекции в музеях или, например, фамильные ценности в интерьерах резиденций), переговоры по передаче прав, по предоставлению возможных компенсаций... Так, мирным путем, были сохранены и превратились в музей виттельсбаховские дворцы и замки, так была сохранена основа коллекций мюнхенских музейных собраний...

Не менее интересен и тот факт, что посетить главную резиденцию Виттельсбахов можно было еще задолго до революции. В первой половине XIX века желающие могли осмотреть убранства новых королевских комнат — разумеется, в период отъезда высочайшей четы. Позднее для осмотра были открыты многие другие помещения. С 1920 года резиденция окончательно стала музеем.

Вход в него — напротив памятника королю Максимилиану I, по его правую руку. Туда мы и пройдем, чтобы бросить взгляд на бронзовый макет комплекса зданий резиденции. По нему видно, что она довольно обширна, состоит из многих построек, нескольких дворов, с севера к ней примыкает придворный сад. Этот размах ни в какое сравнение не идет со знакомым нам по предыдущей прогулке скромным «Старым двором», в котором Виттельсбахи жили в XIII-XV столетиях. Как жилье «Старый двор» их тогда вполне устраивал, а вот как укрепление — оставлял желать лучшего. Опасность возникала в связи с войнами, городскими беспорядками, крестьянскими бунтами... Подчас требовалось надежное укрытие. Так и появилась рядом с францисканцами цитадель — крепкие стены, башни, рвы, наполненные водой... По-мирски обживать ее начали только в XVI веке. С тех пор она стала терять свой оборонительный вид, постепенно приобретая светскую предствительность. Последний значительный штрих в ее внешний облик внес Лео фон Кленце постройкой «королевских покоев».

Теперь это большой и богатый интерьерами и художественными коллекциями музей. В нем можно увидеть знаменитый Антиквариум второй половины XVI века — захватывающий воображение ренессансный интерьер с собранием античных бюстов, грот и гротовый двор, относящиеся к тому же времени, великолепные анфилады комнат позднего Ренессанса с мебелью и уникальной коллекцией гобеле-

нов (XVI – начало XVII столетия)... Примечательны и богатые интерьеры из времен барокко и рококо, и более поздние — времен классицизма... В экспозиции — произведения восточно-азиатского и европейского фарфора, живопись, скульптура, собрание религиозных реликвий, оформление которых подчас представляет к тому же уникальную художественную ценность.

Над входом со стороны площади мы читаем два названия, первое из которых явно не нуждается в комментарии — *Residenzmuseum*, а вот второе — *Schatzkammer*, что можно перевести как «Сокровищница», подразумевает отдельный раздел музея с редчайшими предметами светского и церковного характера — от Раннего Средневековья до XIX столетия.

Как в интерьерах, так и в фасадных решениях нас ожидает здесь подчас неожиданная смена эпох, стилей, вкусов. Стоит обогнуть здание Лео фон Кленце, как фасад «а-ля Питти» сменяется немецким Ренессансом первых двух десятилетий XVII века.

Западный фасад (Residenzstraße)

Сразу обращает на себя внимание роспись по штукатурке, имитирующая рельеф. Прием «tromplей» (что означает *обман зрения*) был известен еще в античном искусстве и открыт заново в эпоху Ренессан-

са, когда художники стали постигать законы перспективы и научились создавать оптические иллюзии.

К сожалению, при послевоенной реставрации не удалось достичь должного эффекта трехмерного пространства. По этому поводу даже ходит шутка, что реставраторы намеренно прорисовали фасад резиденции похуже, чтобы никто не смог обвинить их в зазнайстве, в желании поставить себя на один уровень с великими мастерами прошлого...

Два въездных портала украшены отделкой из розового мрамора, скульптурами и литыми рельефами. Оформление в целом носило программную задачу. Она формулировала принципы правления дома Виттельсбахов, которые должны покоиться на кардинальных добродетелях античной философии: благоразумие, справедливость, умеренность и мужество. Их олицетворением стали наклонно лежащие скульптурные аллегории — по две над каждым въездом: *fortitudo* и *temperantia, prudentia* и *iustitia*. На щитах, которые держат виттельсбаховские львы по обеим сторонам ворот, можно прочесть относящиеся к аллегориям изречения. Въезжавшему в свой дом правителю все это должно было напоминать о моральных критериях, с позиций которых обязано вершиться любое государственное деяние.

Христианство добавило к античным добродетелям свои постулаты — вера, надежда, любовь. Их символизирует центральная фигура, объединяющая фасадное решение — Дева Мария с младенцем.

Над головой Богородицы можно прочесть и дату создания фасада: MDCXVI – 1616.

Если немного понаблюдать за этим местом, то легко убедиться, что минимум двое из трех прохожих потирают на ходу львиные мордочки в нижней части щитов. Если бы это относилось к современной банальной моде — где-то, что-то и обязательно потерять «на счастье», я не стал бы привлекать ваше внимание. Но в Мюнхене виттельсбаховских львят задабривают легким касанием вот уже более ста семидесяти лет!

Все началось в 1846-м, когда в баварской столице объявилась танцовщица Мария де лос Долорес Поррис-и-Монтес или, для близкого круга, просто Лола Монтес. Тремя годами ранее с этим пышным испанским именем она появилась в Лондоне, выдавая себя за танцовщицу из Севильи. Новоявленную Кармен быстро изблещили в обмене: она оказалась ирландкой по происхождению. Скандалами, интригами, разоблачениями сопровождалось ее появления во многих европейских городах. Тем не менее ей удавалось выступать на престижных подмостках, среди ее зрителей оказывались правители государств (в том числе Николай I, который видел ее танец в Берлине), среди поклонников — оба Дюма (отец и сын), Ференц Лист...

В Мюнхене Лола Монтес появилась будучи двадцати пяти лет от роду. Несмотря на скандальную репутацию, уже через два дня она сумела предстать перед баварским монархом. Им был тогда шестидесятилетний Людвиг I, сын Макса Йозефа. Он заглянул в прекрасные глаза танцовщицы и тут же потерял голову. Придворные, да и супруга монарха вскоре начали только разводиться руками, и никто не мог себе представить, что новая интрижка короля приведет к отставке кабинета министров, а в конце концов и его самого заставит покинуть трон.

Кабинет министров проявил строптивость, когда Людвиг пожелал дать своей пассии баварское гражданство. За то кабинет и был распущен. Новое правительство вынуждено было плясать под дудку короля и даже смириться с тем, что госпожа Монтес «за многие благоволения, оказанные бедным баварцам» получила титул графини фон Ланд-

сфельд. Лола тем временем не забывала кружиться в компании молодых людей и, говорят, почти не скрывала своих любовных романов, а что касается до невлюбившей ее мюнхенской публики, то она попросту демонстрировала к ней презрение, экстравагантно прогуливаясь на улицах с сигаркой во рту и в сопровождении устрашающего дога.

Все это могло бы ограничиться разговорами, пересудами и кулуарными насмешками в адрес короля, если бы... Вот в этот момент Людвиг представляется мне растерявшимся гоголевским городничим, в окружении которого рождается рассудительное объяснение причин всех возникших неприятностей: «Это все француз гадит».

Вообще-то так сложилось, что Людвиг родился и умер под французским небом. Но дважды в годы правления — в 1830-м и 1848-м — парижские катаклизмы лишали его спокойного сна. Под впечатлением революционных брожений 1830 года он начал резко закручивать гайки в собственном государстве, в первую очередь отменив им же объявленную свободу прессы. Когда до Мюнхена докатились парижские настроения 1848 года, любая слабость монарха могла уже трактоваться как проявление бессилия устаревшей политической системы.

Лола была большой слабостью и самым уязвимым местом... С тяжелым сердцем Людвиг дает указание новоиспеченной графине покинуть Мюнхен. Однако волнения не утихают. 4 марта народ штурмом взял арсенал и с оружием двинулся к резиденции. Камнем было разбито одно из окон, что не столько напугало, сколько глубоко оскорбило короля. Одному из его братьев удается личными уговорами утихомирить толпу. В знак примирения он угощает собравшихся пивом (еще один исторический пример, демонстрирующий миролюбивый характер баварского национального напитка). Людвиг вынужден официально пообещать реформы. Но почти тут же вспыхивают новые волнения, порожденные слухом будто Лола тайно вернулась в Мюнхен. То ли мудрость, то ли ощущение бессилия заставляют Людвига призвать своего старшего сына Максимилиана и объявить о сложении королевских полномочий. Обещанные им реформы осуществляет уже преемник — король Максимилиан II.

Но при чем же тут львиные мордочки, потираемые прохожими?

Незадолго до добровольной отставки Людвиг узнал о ходившем по городу пасквиле — острой насмешке над ним и его возлюбленной танцовщицей. Что обычно делает в таких случаях король? Не обращает внимания. Но Людвиг изможден, легко раним... Он объявляет вознаграждение за имя оскорбителя. Вскоре у ворот резиденции появ-

ляется некий студент, который заявляет, что знает негодяя-сатирика, но сообщит его имя только лично королю. Заинтригованный Людвиг согласился его выслушать и был крайне удивлен, когда гость признался, что он и есть разыскиваемый безобразник. Молодой человек якобы раскаялся и решил добиться возможности предстать перед королем для извинений и, конечно, надеется на милосердие, присущее таким мудрым и гуманным правителям... Людвиг почти растроган, но тут выясняется, что кроме королевского прощения его гость очень рассчитывает получить и обещанное за его же голову вознаграждение... Деньги были выданы и студент выпровожен охраной из дворца.

С кружащейся от пережитого волнения головой и не веря своему счастью, он еще долго стоял как вкопанный, одной рукой опираясь на рельеф с носом львенка, другой ощупывая карманы с банкнотами... Имя его затерялось в складках времени, но история юного авантюриста быстро приобрела черты поверья, при этом некоторые горожане стали уверять, что виттельсбаховского зверька он успел задобрить поглаживанием еще и до встречи с королем — с упованием на удачу...

Дворы — капелльный, фонтанный, кайзерский...

Кстати, о деньгах. Тем, кто увлекается их историей, будет интересен музей монет, а точнее «Государственное монетное собрание Баварии».

Пройти к нему можно через центрально расположенный портал – по узкому двору (*Kapellenhof*). Мы тоже совершим прогулку в этом направлении.

Двор заканчивается небольшой аркой. Под ней, с левой стороны, вход в музей. Здесь хранится приблизительно 300 000 монет, медалей,

банкнот, ценных бумаг... Старейшие из них датируются третьим тысячелетием до нашей эры. Начало коллекции было положено Виттельсбахами еще в XVI веке.

За аркой открывается вид на «Фонтанный двор» (*Brunnenhof*).

В центре — «Виттельсбаховский фонтан» начала XVII века. Он украшен статуей первого герцога из дома Виттельсбахов Отто I и аллегориями четырех баварских рек: Дунай, Изар, Инн и Лех.

Летними вечерами двор превращается в концертный зал, где звучит классическая и современная музыка.

На месте Фонтанного двора в прошлом проходили придворные турниры. И когда в начале XVII века плац превратили в этот дворовый ансамбль, не забыли сохранить память и об ушедшем в историю рыцарстве.

Нам надо вернуться ко входу в музей монет и обратить внимание на три больших гвоздя, торчащих из стены, и лежащий внизу валун. Никакой фантазии не хватит, чтобы догадаться, чтобы это все могло означать...

Самый верхний гвоздь вбит на высоту «12 Schuh von der Erd», что, проще говоря, соответствует 3 метрам и 60 сантиметрам от земли. Оказывается, на такой высоте рыцарь мог ударом ноги выбить гвоздь из стены. Но далеко не

каждый рыцарь, а может только один — из семьи Виттельсбахов, и звали его Кристоф.

Соперники его с трудом одолевали два нижних гвоздя. Делалось это вовсе не на лету из седла, как может представиться на первый взгляд. Участники придворных состязаний демонстрировали мастерство «забега на стенку». Им предстояло разбежаться, подняться как можно выше по стене, ударить по гвоздю ногой, одновременно оттолкнуться и акробатическим трюком «сальто назад» приземлиться...

Кристоф отличался в состязаниях на ловкость, выходил победителем в рыцарских турнирах, был отважен на поле боя, мог бросить лежащий здесь камень весом 364 фунта на 9 шагов вперед... За все это и заслужил прозвище *Сильный*. Жил он во второй половине XV века и свой мюнхенский «рекорд» забега на стеночку установил в возрасте сорока одного года.

На обратном пути к Резиденцштрассе свернем в проход (с правой стороны) и полюбуемся парадным «кайзерским» двором (*Kaiserhof*). Через него выйдем ко второй группе охраняющих дом Виттельсбахов львов.

Тут можно еще раз вспомнить заветные желания и потерять львиные носы... Но мне все-таки придется открыть одну небольшую тайну: несколько лет назад вся бронзовая пластика на фасаде резиденции, в том числе и львы, была заменена копиями. Мюнхенцев это однако не смутило, они остались верны старой традиции.

Достопримечательности открывающейся перед нами площади Одеонсплац (*Odeonsplatz*) мы обсудим в отдельной части наших прогулок. А пока заглянем в примыкающий к резиденции сад.

Придворный сад (Hofgarten)

Со стороны площади в него можно войти через центральную арку. Она была первой постройкой архитектора Кленце в Мюнхене (1816).

В аркадных проходах со стороны сада обращают на себя внимание фрески, в том числе на темы баварской истории. Центр сада, куда с разных сторон симметрично сходятся тропинки, еще в 1615 году был украшен павильоном Дианы. Венчающая его женская статуя, однако, не имеет отношения к богине охоты. Она воплощает Баварию (*Tellus Bavarica*) и окружена символами плодородия, лесных угодий и охоты, соляной торговли, славы народной и достоинства правителей.

Летними вечерами павильон, в котором прежде присаживалась на отдых придворная публика, превращается в танцевальную площадку, и уверяю вас — очаровательная баварочка на крыше не останется равнодушной и тоже британцовывает...

А вот как к подобным вольностям относится восседающий неподалеку на боевом коне герцог Отто I, сказать затрудняюсь. Памятник ему стоит в глубине сада — там, где просматривается купольное здание с симметричными стеклянными крыльями. Стоит подойти к нему поближе.

С Отто мы уже знакомы — он первый Виттельсбах, который получил Баварию в герцогство в конце XII столетия и тем самым открыл для своей династии начальную страницу в многовековой истории управления этой землей. Его бронзовое воплощение мы только что видели в Фонтанном дворе резиденции.

Здесь памятник установлен в 1911 году, и в последние десятилетия, благодаря своему местоположению, получил несколько неожиданное значение: Отто с копьем словно стоит на страже государственных интересов современной Баварии, управление которой в наши дни вершится как раз у него за спиной — в здании Государственной кан-

целярии (*Staatskanzlei*), иначе говоря — в администрации баварского премьер-министра.

Канцелярия разместилась здесь в 1993 году. Когда-то на ее месте стояли придворные казармы, потом построили Военный музей. После сильных разрушений во Второй мировой войне судьба музея долго не могла решиться, пока, наконец, его не открыли заново в городе Ингольштадте. От музейного здания сохранилась центральная купольная часть. Но главным напоминанием о военной истории, а правильнее было бы сказать — о военной трагедии Германии, служит здесь монумент павшим солдатам — на нижней террасе сада.

Терраса смотрится как большая погребальная яма с усыпальницей в центральной части. Ступени, ведущие вниз, приводят к символическому, отлитому в бронзе надгробию — лежащей фигуре мертвого юноши в солдатской форме. Монумент был сооружен в 1920-х годах в память 13 000 мюнхенцев, не вернувшихся с фронтов Первой мировой. Вторая мировая унесла значительно больше: 22 000 погибших призывников из Мюнхена, 11 000 пропавших без вести, 6 000 гражданских лиц — жертв бомбежек.

Рядом еще один памятник — жертвам нацистского режима. К северному (левому) крылу здания канцелярии ведет современная аркада, у входа в которую установлен черный куб.

На нем выгравированы надписи. Одна — из предсмертного письма простого крестьянина Хуфнагеля, которого нацисты уличили в прослушивании иностранного радио, другая из антигитлеровского воззвания фельдмаршала Витцлебена, со стороны сада — текст из листовок

подпольной студенческой группы «Белая роза». Крестьянин, дворянин-фельдмаршал, мюнхенские студенты... Все они так или иначе подали голос против фашизма и были казнены.

Среди них — Александр Шморель, студент-медик университета, которого называют «русской душой Белой розы». Он родился в Оренбурге в русско-немецкой семье за полтора месяца до революции. В два года потерял мать, а когда ему исполнилось четыре, отец перебрался

в Мюнхен. Нацистскую экспансию Александру пришлось пережить не только как очевидцу, но и участнику: сначала в качестве солдата при аншлюсе Австрии и вторжении в Чехословакию, потом как студенту-санитару на восточном фронте, в том числе и в России. Вместе с друзьями по «Белой розе» он распространял листовки, писал на фасадах мюнхенских домов антинацистские воззвания... Двадцати пяти лет от роду Александр был казнен в мюнхенской тюрьме. С 1981 года русская заграничная церковь стала почитать его как новомученика, в 2012-м он причислен к лику православных святых: Александр Мюнхенский.

Все говорит о том, что у него было трепетное отношение к своим русским корням и через них к русской культуре — благодаря и оренбургской няне, воспитывавшей его в Мюнхене, и отцу, в доме которого не забывали русский язык, традиции, где бывали российские эмигранты, среди них художник Леонид Пастернак. Феноменом русской культуры Александр Шморель заразил и своих друзей-однокурсников.

О связях Мюнхена с русской культурой напоминают поблизости еще два места. С северной стороны вдоль придворного сада тянется *Galeriestraße*. Она как раз напротив куба-памятника антифашистам.

Галерейная улица (Galeriestraße)

В доме № 4, там, где улицу и придворный сад соединяет арочный проход, в 1937 году в течение нескольких месяцев работала выставка «Дегенеративное искусство» (*Entartete Kunst*).

«Дегенеративными» были объявлены все новаторские течения 1900-30-х годов, не вписывающиеся в сформулированный тоталитарной пропагандой образ «здорового искусства немецкого народа». Нам этот образ тоже хорошо знаком и в несколько утрированном виде может быть назван «Девушка с веслом».

Из немецких музеев изымались сотни работ живописцев, графиков, скульпторов — экспрессионисты, авангардисты, кубисты, дадаисты и т. д., а также все непонятное, беспредметное, нефигуративное или просто лишенное духа бодрости и оптимизма.

Одновременно власти пытались на этой акции заработать, предлагая «плоды деградации» для продажи на зарубежных аукционах; частным собирателям предоставлялась возможность обмена: мы вам «больные фантазии», вы нам «нормальных» художников из своих собраний. Около 5 000 произведений искусства просто сожгли на полигоне берлинских пожарных.

Здесь, на выставке, было собрано около 600 работ ста с лишним художников. В их числе наши соотечественники Марк Шагал, Эль Лисицкий, Алексей Явленский и Василий Кандинский.

Работы Кандинского сопровождались выразительным заголовком «*Verrückt um jeden Preis*», что можно перевести как «сумасшедший во всех смыслах». Столь же *утонченно* характеризовались произведения практически всех невольных участников выставки.

«Загнивающему» творчеству противопоставлялось понятное и нужное народу искусство, представленное на выставочном шоу в специально построенном в Мюнхене «Доме немецкого искусства» (сейчас *Haus der Kunst*).

Кандинский и Явленский — мюнхенцы с большим стажем, оба приехали молодыми в 1896-м, первый из Москвы, второй из Петербурга, здесь учились живописи, искали себя, здесь пережили первый расцвет. И оба покинули Баварию в связи с началом войны — в августе 1914-го. Их имена носят сегодня мюнхенские улицы. Как и близ-

кой им Марианны Веревкиной, необыкновенно талантливой и активной участницы новаторского художественного процесса 1900-х. Трогательн тот факт, что ее именем названа улочка, берущая начало от самого знаменитого мюнхенского художественного музея «Старая Пинакотека» и тянущаяся вдоль здания «Пинакотеки Современности».

В завершение этой прогулки я предлагаю войти в калитку сквера на противоположной стороне *Galeriestraße*. Достаточно пройти несколько метров направо и увидеть в тени деревьев статую молодого щеголя...

Он явно спешит на прием – через руку перекинута пальто, пальцы придерживают шляпу, взгляд обращен к королевской резиденции... И, кажется, нет ему дела до девушки, присевшей поблизости на скамью под сводом небольшого грота. Да и сама девушка не его вкуса. Он всегда был чувствителен к светской красоте и блеску. А тут... склоненная набок головка на узких плечах, непропорционально широкие бедра – крепкая баварка, с детства познавшая крестьянский труд. Девушка нашептывает строки из «Книги песен» Генриха Гейне. Денди слушает вполуха, он знает эти стихи наизусть. Он дружен с Гейне и первым начал переводить его на русский...

Имя молодого человека — Федор Тютчев. Он появился в Мюнхене в 1820-е годы 18-летним служащим русского посольства и прожил здесь в общей сложности около двадцати лет. Впрочем, сам он говорил: *тысячу* — наверное, потому что эти годы вместили в себя самое сокровенное в его жизни.

Из Мюнхена ранние стихи и переводы Тютчева разными путями уходили в Россию. Среди них большая подборка, которая появляется в последних, предсмертных, выпусках пушкинского «Современника»: *Стихотворения, присланные из Германии*.

Из России сюда был привезен и в 2003 году торжественно открыт памятник Тютчеву. Место выбрано рядом с «Гротом Гейне» — художественной композицией, посвященной его «Книге песен».

Признаться, мне не очень нравится Тютчев в образе «денди» и я всегда улыбаюсь толстоногой баварской «музе» Генриха Гейне, но именно здесь, как мне представляется, начинается «русский Мюнхен» — истории судеб, переплетений и взаимовлияния великих культур.

ОДЕОНСПЛАЦ

прогулка четвертая

В центральной части площади Одеонсплац (*Odeonsplatz*) бросаются в глаза две высокие массивные мачты — флагштоки. Если присмотреться, одна украшена наверху силуэтом городского монашка, вторая — виттельсбаховского льва. В дни городских праздников на них поднимаются полотнища: черно-желтый флаг Мюнхена и бело-синий Баварии.

До 1817 года здесь стояли северные ворота города, над ними и развевались флаги, напоминая путешественникам, что они въезжают в баварскую столицу. Уже издали путникам открывалась 30-метровая башня, прорисовывались контуры крепостных стен... И, наконец, дорога заканчивалась шлагбаумом, деревянным мостом надо рвом, въездной аркой...

За ней начинал раскрываться сам город... При взгляде направо набожный человек, наверное, совершал крестное знамение: над ним нависал внушительный фасад церкви ордена театинцев. При повороте головы в левую сторону добропорядочный бюргер мог приподнять шляпу — отсюда, из стен резиденции столетиями правили Виттельсбахи. А впереди взгляд его упирался в обычный дом, вывеска на котором могла вызвать блаженную улыбку: тут разливали пиво и можно было перекусить с дороги... Мне это представляется и логичным и символическим для баварской столицы: Бог, Монарх, Пивная... Но иначе

думал король Людвиг I, инициатор новой застройки прилегающей к резиденции территории.

Разумеется, он гордился баварским пивом, но на новорожденной площади (ворота снесли по его инициативе, когда он был еще крон-принцем) на месте трактира пожелал видеть нечто монументальное.

Лоджия полководцев (Feldherrnhalle)

Лоджия появилась в 1840-х годах, и те, кто бывал во Флоренции, сразу узнают в ней подобие Лоджии Ланци. Архитектор Гертнер поднял мюнхенское строение на более высокий цоколь, в основном же сохранил размеры и облик средневекового итальянского оригинала. Фигуры полководцев были отлиты по эскизу мюнхенского скульптора Шванталера, одного из прославленных мастеров юга Германии.

Про пивную, однако, забыли не сразу... Даже Пушкин, которому во время ее сноса было всего 13 лет, позднее ностальгически воспроизвел ее на одной из акварелей. Насчет Пушкина я не шучу — его звали Иосиф (*Josef Puschkin*), он родился, жил и умер в Мюнхене, а еще был известен как художник и литограф, в том числе и как автор зарисовок старого города. Как попали в Баварию его российские предки, прояснить мне пока не удалось...

Итак, со сносом пивной был изгнан и несколько фамильярный дух этого места. В триаде Бог (церковь), Король (резиденция) и Народ символом последнего, вместо трактира, стал памятник военной славы. Пора нам познакомиться с баварскими военачальниками: фон Тилли и фон Вреде.

Тилли (он в Лоджии слева) — боевой генерал времен 30-летней войны между католиками и протестантами. На баварскую службу поступил в 1610-м. Правивший в то время герцог перестраивал резиденцию; как раз на глазах Тилли возводился фасад с прорисованной рустовкой и охраняемыми львами порталами. Сам же Тилли принялся за перестройку баварской армии. В 30-летней войне он мужественно возглавлял военные силы Католической лиги и умер от ранения, полученного в бою.

Вреде — герой наполеоновских лет. Неподалеку отсюда, на *Karolinenplatz*, можно увидеть обелиск в память баварских солдат, погибших (несколько сотен) и пропавших без вести (29 000!) в России в 1812 году. Одним из их главных командиров был фон Вреде. Участие Баварии в наполеоновском походе было обусловлено союзническими обязательствами государств Рейнского союза. Но вот что может при

этом показаться удивительным: в 1813 году Карлу Филиппу фон Вреде, недавнему военному противнику России, вручается орден Святого Александра Невского. За ним от России последовали еще четыре ордена, среди них Св. Георгия, Св. Апостола Андрея Первозванного...

Биография полководца отражает метаморфозы политической жизни Баварии: «рейнский союз» с Францией, выход из него и объединение с антинаполеоновской коалицией...

Вреде блестяще проявил себя в нескольких битвах с французами — тогда и добавились к его отечественным наградам иностранные, а сам полководец стал фельдмаршалом. В свое время

Наполеон пожаловал ему графское достоинство, теперь, со званием фельдмаршала, баварским королем ему был дарован княжеский титул.

Венценосный заказчик Лоджии полководцев Людвиг I, кажется, до конца жизни не переставал праздновать победу над Наполеоном, сооружая памятники в Мюнхене и Баварии.

Со временем к фигурам полководцев в Лоджии добавилась композиция с воином и аллегорией мира, а также пара мраморных львов. Одного из них, с плотно закрытой пастью, тут же признали своим — баварским, второго же, с полуоскалом, — прусским. Считается, что пруссакам, в отличие от баварцев, не свойственно закрывать рот в речевых паузах... Бытует и иное мнение: оба льва — баварцы, только

один смотрит на церковь и благоговейно молчит, в то время как в поле зрения второго попадает правительственная резиденция, и он не может не ворчать...

Территория перед Лоджией со временем стала местом концертов, митингов, шествий, демонстраций — организованных и стихийных. Таковой она остается и сегодня. Из вереницы событий вспомним происходившее здесь 2-го августа 1914 года. В тот день сюда хлынули толпы мюнхенцев и жителей пригородов. Распевались песни, выкрикивались патриотические лозунги... Один из городских фотографов суетился с камерой на треноге, запечатлевая ликование масс по случаю начала войны и мобилизации. А годы спустя он взял в руки лупу и стал внимательно изучать свои старые снимки. И увидел там, в плотной толпе... просветленное лицо будущего фюрера. Великий момент: ведь на следующий день после вакханалии на Одеонсплац австрийский подданный Адольф Гитлер подал на имя короля Людвига III прошение о добровольной службе в баварской армии. Фотография вошла, можно сказать, в классику нацистской пропаганды. Сегодня некоторые считают ее подделкой, но, как бы то ни было, события того дня обозначили поворотный момент в судьбе заезжего австрийца.

Он еще не раз появится на этой площади. Но наиболее памятным днем, связанным с этим местом, станет для Гитлера 9 ноября 1923 года. На смену проигранной войне пришел хаос. Осень 1923 года, когда отмечалось 5-летие немецкой революции, оказалась особенно политически нестабильной и катастрофической в хозяйственном отношении. В стране царил гиперинфляция — в середине ноября один доллар стоил 4,2 триллиона (я не оговорился!) бумажных марок. Недовольны все — правые, левые, умеренные, радикальные... Глава баварского правительства Густав фон Кар устраивает собрание в одной из пивных (*Bürgerbräukeller* в другой части города, не сохранилась), где резко выступает против берлинского правительства. Недавний ефрейтор Гитлер с колонной путчистов захватывает участников собрания в заложники, а руководству Баварии предлагает встать под его началом во главе восстания. Рядом с ним неожиданно появляется и знаменитый генерал Людендорф. Правительство в растерянности соглашается, но достаточно быстро оправляется от стресса и принимает меры, чтобы остановить путч.

Остановили именно тут. Обойдем Лоджию с левой стороны и сразу окажемся на месте, куда подошла колонна штурмовиков. Напротив, на площади, они увидели заградительную цепь. Кто-то из путчистов

закричал: «Не стреляйте! С нами Людендорф!» Но пальба началась, погибли четверо полицейских, тринадцать путчиков и один прохожий... Гитлер как опытный солдат при первых же выстрелах бросился плашмя на мостовую, вывихнул плечо и, как сам рассказывал позднее, увидев метавшегося в толпе ребенка, кинулся ему на помощь...

Десять лет спустя, с приходом к власти он объявит этот день государственным праздником, девизом которого станут слова «И все-таки вы победили!» Павшие здесь участники восстания провозглашаются «мучениками движения». Их тела эксгумируются и торжественно переносятся в Пантеоны славы, сооруженные рядом с Королевской площадью (*Königsplatz*). У Лоджии полководцев утверждается новый ритуал. Вместо того, чтобы, как водится, потирать носы виттельсбаховским львям у входа в резиденцию, мюнхенцы начинают вскидывать руку в гитлеровском приветствии. Оно направлено в сторону Лоджии, над цоколем которой появляется памятная плита с именами погибших. Под ней на «вечную вахту» встал караул СС. Мемориал открывал лично Гитлер. Еще долгое время многие несли сюда цветы. Вскинутая рука и восклицание «Хайль Гитлер!» считались для прохожих обязательными.

Те же из горожан, кто мягко говоря, не разделял этих восторгов, обходили Лоджию с другой стороны и продолжали свой путь через небольшой соседний переулок — *Viscardigasse*. Он находится рядом — напротив центрального портала резиденции.

И этот «обходной маневр» тоже стал своего рода ритуалом, и даже сам переулок мюнхенцы тогда шутливо прозвали *Drückeberggasse*, что означало, что тут обычно проходят всякого рода уклонисты, симулянты, делающие вид, будто очень спешат или просто не понимают, что здесь происходит...

На мостовой в переулке можно увидеть бронзовую тропинку — памятный след этого своеобразного гражданского непослушания.

С приходом к власти нацисты вспомнили не только жертв, но и «палачей» их путча. Был разыскан и отправлен в Дахау бывший премьер-министр, а в те годы уже давно отошедший от политики пенсионер фон Кар. Там и был убит — из мести. Ветеран путча, Альфред Розенберг, с удовлетворением записал в своем дневнике, что фон Кара постигла давно заслуженная кара... И поскольку в прогулках по Мюнхену я не забываю напоминать о российских следах в баварском прошлом, то следует сказать, что в ранней биографии Розенберга мы можем увидеть и детство в Прибалтике, и учебу в Москве... Так на разных полюсах истории эпохи оказываются «российские немцы»: фанатичный расист Розенберг, а с ним и погибший здесь в день путча выходец из Риги Шойбнер-Рихтер, и, с другой стороны, Александр Шморель, отдавший жизнь за участие в кружке студенческого сопротивления, о котором я рассказывал в саду резиденции.

Волею судеб бронзовая мемориальная плита а память путчистов пережила бомбежки города — в отличие, например, от скульптуры Девы Марии, которая расположена почти напротив, в нише фасада резиденции. С началом бомбежек ее своевременно спрятали под одной из парадных лестниц внутри здания. Тем не менее сильно пострадали фрагменты отливки. Для их реставрации решено было использовать материал нацистского мемориала... Люди возвращались к мирной жизни, и у многих, что называется, спадала с глаз пелена. На цоколе Лоджии кто-то напишет в мае 1945-го мелом: «Дахау – Вельден – Бухенвальд – мне стыдно, что я немец». Память погибших в день путча полицейских позднее была отмечена мемориальной доской, долгое время она была вмонтирована в брусчатку площади, затем перенесена на фасад резиденции.

Спецификой обзорных экскурсий нередко обусловлена смена тем, подчас резкая. Вот и в данный момент я хочу переключить ваше внимание на иную эпоху и начать новый рассказ с необычного сюжета.

В середине XVII века здесь, в здании резиденции, принимается решение отправить надежного человека в Турин, тогдашнюю столицу Савойского герцогства. Его снабжают «легендой», дают чужое имя и задание — собрать сведения о герцогской семье и особенно о молодой принцессе Генриетте Аделаиде. Одновременно по дипломатическим каналам начинают прощупывать возможность брака этой девушки с

наследником баварского трона Фердинандом Марией. Историки утверждают, что нити этой интриги плелись из Парижа и находились в руках всемогущего кардинала Мазарини, раскладывавшего тем самым свой политический пасьянс.

Принцесса, как подтвердил лазутчик, действительно оказалась хороша собой, все остальные требования также удовлетворили заинтересованные стороны, и вскоре в Турине состоялось бракосочетание. Только вот Фердинанд Мария в тот момент находился здесь, в мюнхенской резиденции. Брак заключался «по доверенности». Жениха заменял родственник невесты, разумеется, — только во время официальной церемонии...

Генриетте Аделаиде Савойской в тот момент было 14 лет, и до поры до времени она оставалась дома. И только через полтора года (а к тому времени супруг ее уже стал курфюрстом) она отправилась в Баварию. Фердинанд выехал навстречу, и они впервые увидели друг друга в Куфштайне. Там тоже не обошлось без детективного нюанса: Фердинанд вручил девушке полученное прежде письмо ее матери и тем самым подтвердил свою личность. В Мюнхене было устроено повторное бракосочетание. Но только восемь лет спустя у пары появился первый ребенок — принцесса. В семье царила радость, но... супруги мечтали и о наследном принце и в мольбах о нем дали обет построить в Мюнхене «красивейшую и богато украшенную церковь».

Теперь нам стоит вернуться на площадь и обратить внимание на Театинеркирхе — выдающееся творение итальянских мастеров второй половины XVII столетия.

Театинеркирхе (Theatinerkirche)

Молитвы супругов были услышаны, и в 1662 году родился наследник, после чего в Мюнхене появляется выписанный из Болоньи архитектор Барелли. Ему поручено возведение храма Святого Каэтана с комплексом зданий для ордена и монастыря театинцев, а также строительство новой загородной резиденции Виттельсбахов Нимфенбург. Стиль подсказывало само время, отмеченное расцветом барочного искусства.

С появлением Генриетты Аделаиды в великосветской жизни Мюнхена пускает корни жизнерадостная придворная культура Италии. В саду при резиденции строится павильон для балов, в салонах курфюрста начинает звучать итальянская опера, вскоре в городе строится и отдельно стоящий оперный театр, что было новинкой. В

баварской столице появляются работающие в стиле барокко художники, скульпторы, архитекторы...

си над центральным входом в церковь: 1767. А слева от входа фигура главного патрона церкви — Св. Казтана. На фасаде и особенно в интерьерах мы увидим много достойного внимания: лепка, скульптура, живопись...

Еще при жизни Генриетты и Фердинанда церковь стала семейной усыпальницей, и сегодня в ней насчитывается 49 саркофагов из династии баварских правителей. В склепе, в алтарной части, похоронены и сама супружеская пара основателей храма, и их дети, внуки, среди которых последний из Виттельсбахов, кому удалось занять трон императора Священной Римской империи, Карл VII. А также и первый король Баварии Макс I (вспоминаем памятник ему перед зданием театра). И иные — принцы, принцессы, герцоги, курфюрсты, короли... И в других храмах Мюнхена — в соборе Богородицы (Фрауэнкирхе), в церкви Св. Михаила — находятся усыпальницы Виттельсбахов и их родственников. Неожиданным для нас может показаться тот факт, что сердца многих правителей Баварии покоятся отдельно и довольно далеко от Мюнхена — в паломнической капелле в местечке Альтёттинг (*Altötting*). Традиция эта существует с 1635 года.

Начатые Барелли работы со временем продолжил другой итальянец — Цукалли. Церковь освятили достаточно скоро, но работы по убранству продолжались практически до конца столетия. А вот с оформлением фасадов возникли такие серьезные разногласия, что здание простояло в черновом виде еще несколько десятилетий, пока не было завершено архитекторами Кювилье (отец и сын) — уже в позднебарочном виде. Дату окончания этих работ можно прочесть в надписи

Ludwigstraße

Как помним, рядом с церковью проходила крепостная стена. В конце XVIII века она стала восприниматься отчасти старомодной, но главное — мешающей развитию столицы. С Мюнхена был официально снят статус города-крепости. Началась разборка стен, башен, засыпка рвов... В 1817-м снесены стоявшие на Одеонсплац Швабингские ворота. Подъездная дорога стала превращаться в представительную улицу — парадную и непривычно широкую для Мюнхена. Застройку ее под кураторством Людвиг I начинал архитектор фон Кленце. Почти сразу за ней закрепилось название — Людвигштрассе. Завершением улицы и одновременно новым парадным въездом в город со временем становятся видные отсюда вдаль Ворота Победы (*Siegestor*) – памятник славы баварской армии, перекликающийся с Лоджией полководцев.

Обратим внимание на несколько первых зданий в начале этой улицы, определивших характер ее будущей застройки. Можно совместить полезное с приятным и присесть за столик кафе *Tambosi*, а потом перейти на противоположную сторону — к памятнику Людвигу I.

Арка, ведущая в Придворный сад, — первое строение Кленце в Мюнхене. Им же спроектировано здание, часть которого занимает кафе. История заведения берет начало в конце XVIII века, когда один из итальянцев, предки которого прибыли в Мюнхен еще во времена известной нам Генриетты Аделаиды из Савойи, открывает здесь сначала киоск для продажи напитков, а затем и кофейный дом — один из первых в городе. Со временем владельцы менялись, пока в 1810 году заведение не перешло в руки Луиджи Тамбози. Впрочем, довольно скоро кофейня вместе с соседними постройками была снесена, и на ее месте появилось спроектированное Кленце здание «базара». Я не оговорился, именно

так, по-персидски — *Basar* – называли этот торговый дом. В нем же заново открылось Кафе Тамбози.

Сын хозяина, Джузеппе, вскоре стал камердинером при Людвиге I и успешно продолжал службу при его старшем сыне Максимилиане. После смерти Джузеппе хозяева кафе менялись, сменялись и вывески. Кстати, на фасаде здания кроме крупной надписи *Tambosi* мы видим и другую: *Annast Haus*. Аннаст — фамилия владельцев кафе в первой половине XX века. Славу своему заведению они принесли не только

гастрономическим мастерством, но и обширной культурной программой — музыка, театр, кабаре... Несмотря на меняющиеся названия, мюнхенцы продолжали между собой называть популярное кафе по старинке *Tambosi*.

На противоположной стороне наиболее интересны два похожих друг на друга здания, стоящие несколько в глубине за памятником Людвигу I. То, что правее, строилось для шурина короля Эжена Богарне. Симметрично ему предназначалось для концертного зала «Одеон».

Вот, наконец, почти под занавес нашей прогулки мы добрались до названия площади. Я бы смело его перевел: Театральная, ведь Одеон — обозначение зрелищной постройки античного мира. Но где же он, театр? Мы перед ним, только это здание никак не напоминает нам «храм муз», где мы ожидали бы увидеть какой-нибудь «театральный» декор. Ответ прост: Кленце создает фасад, зеркальный дому Богарне.

К несчастью, оба здания очень сильно пострадали во время войны. Возрождение Одеона посчитали нецелесообразным, и, восстановив фасады, само здание приспособили для министерства внутренних дел. Можно войти под арку и, с разрешения дежурного сотрудника, заглянуть в овальный двор, бывший когда-то балльным и концертным залом.

Похожая судьба и у дома Богарне, руины которого были снесены, а в заново построенном здании реконструированы только фасады Кленце. В нем разместилось министерство финансов, и в интерьерах уже ничего не напоминает о роскоши одного из самых богатых мюнхенских аристократических дворцов.

Эжен Богарне был сыном жены Наполеона Жозефины от ее первого брака. Когда Наполеон на взлете своей карьеры стал одержим идеей основания династии, он усыновил-удочерил не только детей супруги, но и ее двоюродную племянницу — с тем, чтобы породнить их с правящими семьями Европы. Ту же задачу видел и решал он и в отношении родных братьев и сестер. Не забыл и собственную мать, одарив ее учрежденным им диковинным титулом «Мадам мать императора». Династические амбиции Наполеона вызывают улыбку и одновременно удивление. В пронаполеоновских странах вводились конституции, монархия теряла свои позиции. И все же Бонапарту было важно, чтобы его приняли в семью, перестали смотреть как на дерзкого и удачливого корсиканского выскочку. Отсюда и эти мезальянсы, которых он добивается для круга своих родственников.

Так Богарне становится приемным сыном императора и, по его же воле, зятем первого короля Баварии. Однако всего этого Наполеону показалось мало, он мечтает о собственном династическом наследнике. Замышляется развод с Жозефиной, Наполеон расстраивает помолвку Людвига (оглянемся еще раз на памятник ему) с великой княгиней Екатериной Павловной, сестрой Александра I, пытается сам свататься к ней и после отказов русского царя вынуждает одного из своих главных противников, австрийского императора Франца, отдать ему в жены свою юную дочь. К месту упомянуть, что, как и в случае с

Генриеттой Савойской, первоначальное бракосочетание проходило «по доверенности»; у императора Франции, понятно, было много дел...

После поражения Бонапарта его приемный сын поселяется в Мюнхене. Высоко ценивший его Александр I сожалел, что человека с именем Богарне Наполеон нельзя посадить на французский трон. Закач карьеры застаёт блистательного политика и военачальника в возрасте Иисуса Христа... От своего тестя, короля Макса I он получает титулы герцога Лейхтенбергского и князя Айхштедского.

Осенью 1821 года его дворец на Людвигштрассе закончен и вскоре приобретает славу одного из самых роскошных в Мюнхене. В нем более 250 помещений, танцевальный и театральный залы, галерея с ценным собранием живописи, капелла. Внешний облик дворца задавал тон будущей застройке Людвигштрассе и, по мнению искусствоведов, стал примером нового, классицистического, толкования неоренессанса для всей Германии.

Через три года Богарне в возрасте 43 лет умирает, оставив большую семью. Подрастающие дети вступают в браки с коронованными или высокородными особами и разъезжаются в разные концы света. Так, в августе 1829 года отсюда отправляется в дальний путь 17-летняя дочь Богарне. Двумя днями ранее в домовый капелле состоялось ее, также первоначально заочное, венчание с императором Бразилии Педру I. В конце 1830-х годов дом покидает самый младший отпрыск — герцог Максимилиан Наполеон Богарне женится на дочери Николая I Марии и переезжает в Санкт-Петербург. Здесь остается доживать свой век вдова, родная сестра правившего Людвига I.

Уже после ее смерти напротив дома в торжественной обстановке открывается памятник «старому королю» (королю в отставке). Дату открытия можно прочесть на задней стороне цоколя — 1862 год. Там же говорится, что монумент Людвигу I — знак благодарности от города Мюнхена. Можно улыбнуться: значит, городские советники решили не вспоминать, сколько раз они встречали в штыки градостроительные инициативы Людвига, энтузиазм которого, действительно, балансировал на грани с одержимостью. Доходило даже до угроз короля перенести столицу в Бамберг. Но все это было уже в прошлом. А к моменту открытия памятника налицо было многое, приобретенное Мюнхеном за последние десятилетия. В том числе эта улица, с великолепным комплексом зданий университета и придворной библиотеки. И теперь разве что с улыбкой вспоминали, как неугомонный

Людвиг собственной персоной появлялся на лесах многих строительных площадок, за что был прозван рабочими «обер-бригадиром»...

Людвиг открыл и отчасти наполнил собственными коллекциями первые в Баварии музеи — Глиптотеку, Старую и Новую Пинакотеки... При нем появились новые площади, архитектурные ансамбли, памятники выдающимся мюнхенцам и историческим событиям. Возродилась изгнанная в ходе реформ начала века монашеская жизнь. И даже традиция популярного народного праздника Октоберфест уходила корнями в большие публичные гулянья по случаю свадьбы Людвиг в 1810 году.

Одним словом, он старался — по-своему, порой властно, иногда слишком доверяя своему вкусу, но старался... И, как помним, вовремя ушел. Интрига с «испанкой» Лолой Монте, о которой мы вспоминали на прогулке вокруг резиденции, закончилась мудрым поступком — добровольной отставкой в 1848 году.

Фигуры вокруг цоколя олицетворяют заслуги короля в поддержке искусства, архитектуры, индустрии, религии.

И тут уместно вспомнить недолюбливавшего немцев и Германию Гоголя, который, тем не менее, писал из баварской столицы в 1842 году: «В Мюнхене много замечательного. Замечательно уже то, <что> в нем живет король, один из всех европейских королей, окруживший себя художествами и искусством, а не псарней... шагистикой, кроением мундиров...» Впрочем, в архитектуре времен Людвиг Гоголь находил много «обезьянства». Его современник поэт Петр Вяземский, был дипломатичнее: «Германский Рим, германские Афины // Воздвигнул он, искусства царский жрец...»

Коронованного всадника на постаменте сопровождают юноши: один символизирует *справедливость*, другой *настойчивость*.

Открытие памятника в 1862 году было обставлено очень празднично. Недоставало только самого героя — Людвиг был жив, но на торжестве присутствовать не пожелал...

Последней данью памяти королю-градостроителю становится сооружение к 100-летию его рождения массивных мачт-флажштоков перед Лоджией полководцев.

В завершение прогулки я предлагаю вернуться к церкви театинцев и заглянуть на находящуюся рядом с ней *Salvatorstraße*.

Salvatorstraße

На пешеходной *Theatinerstraße* (она проходит справа от Лоджии) свернем в первую улочку направо. И сразу же увидим шпиль *Salvatorkirche*, или церкви Спасителя, Спасской церкви, как это можно было бы перевести на русский язык. Уже по шпилю видно, что постройка носит черты поздней готики. Освящена церковь была в самом конце XV века, а в начале XIX, когда в ходе реформ сокращалось церковное хозяйство, оказалась

не нужна, какое-то время даже предполагалась к сносу, пока, наконец, не была предоставлена в пользование греческой общине.

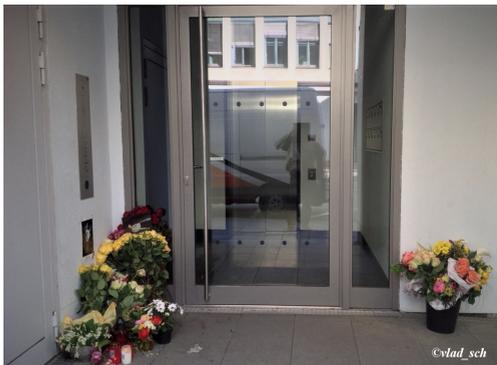
И тут не обошлось без участия Людвига I, который не только преклонялся перед Грецией как эллинист, но и сочувствовал ее освобождению от турецкой зависимости, а вскоре добился и коронации своего сына Отто на греческий трон. В 1829 году, когда Россия военными действиями заставила Турцию признать независимость греков, Людвиг приветствовал Николая I стихами: «*О Николай, народов победитель, Ты имя оправдал свое!..*» Кто же перевел их на русский язык? Сотрудник дипломатической миссии в Мюнхене Федор Тютчев. Николай отвечает благодарностью — присылает в подарок новой церкви 38 предметов религиозной утвари. Русским дипломатам открытие православной церкви пришлось очень кстати. До тех пор необходимые обряды проходили только в домашних капеллах.

К этому времени у молодого Тютчева была уже давняя интимная связь с овдовевшей Элеонорой Петерсон. В январе 1829 года пара бы-

ла обвенчала по православному обряду греческим священником. А потом стали появляться на свет дети — от этого брака и от второго, последовавшего после смерти Элеоноры. Крестили их в этой церкви.

И в завершение прогулки пройдем немного в глубину *Salvatorstraße* — к дому № 5. Тут нас ждет еще один близкий нам сюжет, перекидывающийся в истории Мюнхена мостик от Тютчева к нашим дням. На одной из табличек с фамилиями жильцов читаем написанное латиницей: *Плисецкая, Щедрин*.

Легенда русского балета и знаменитый композитор поселились в Мюнхене в 1991 году. После того, как 2 мая 2015-го Майя Плисецкая ушла из жизни, к дверям этого дома шли люди с цветами. Согласно воле супругов, после смерти Щедрина их прах будет развеян над Россией.

ФРАУЕНКИРХЕ И ЦЕРКОВЬ СВ. МИХАИЛА

прогулка пятая

Frauenkirche (Frauenplatz 12)

На первой прогулке, по Мариенплац, мы несколько раз обращали внимание на церковь Св. Петра, старейшую в городе. Это ее шпиль пытался расшатать и обрушить дьявол и это на ее башне можно сверить часы сразу по восьми циферблатам. «Старый Петр» некоторое время оставался единственной приходской церковью города, но во второй половине XIII века появился еще один приход — Marienkirche (церковь Марии, иногда ее называли капеллой). Церковь прослужила Богу и горожанам около двух столетий, пока не была заменена более представительной — Фрауенкирхе, как принято называть храмы Девы Марии.

Говорят, все началось с того, что герцог Баварии Сигизмунд со своей свитой заблудился на охоте и не сразу нашел дорогу домой. Тогда и посетовал он, что в Мюнхене нет храма с высокими и внушительными башнями, которые могли бы в подобном случае служить ориентирами. История эта относится ко второй половине пятнадцатого столетия, в феврале 1468-го Сигизмундом был заложен первый камень новой мюнхенской церкви.

«Старая» Мариенкирхе на фоне возросшего числа жителей была к тому времени уже настолько мала, что на службе от духоты и тесноты случались обмороки, один из которых закончился смертью молодой прихожанки. К тому же церковь смотрелась недостаточно величавой в качестве места погребения баварских правителей, самым знаменитым из которых был похороненный в ней в XIV веке герцог и император Людвиг Баварский. Да и статусу герцогского Мюнхена не подобало отсутствие внушительного храма, которыми уже были украшены или украшались соседние Регенсбург, Ландсхут, Ингольштадт, Аугсбург, Ульм...

Все эти обстоятельства и ставили вопрос о «новой Фрауэнкирхе». Но из уважения к мюнхенскому мифотворчеству все же согласимся, что главной причиной оказались удручающие способности к ориентации охотника-герцога Сигизмунда, когда он гонялся за зайцами в окрестных полях. Уж не для того ли, чтобы герцог в следующий раз не

заблудился, решено было вместо привычных для готики остроконечных шпилей построить хорошо просматриваемые издали могучие кирпичные башни почти стометровой высоты?

Церковь задумали с размахом и с видом на будущее: при населении города около 14 000 жителей она должна была вмещать до 20 000 человек.

Я всегда задаю туристам вопрос, как долго, по их мнению, могло продолжаться возведение столь большого храма. Ответы слышу

разные, но, как правило, называются многие десятилетия, а то и столетия и с удивлением воспринимается услышанное от меня: 20 лет.

Затяжные строительства обычно объяснялись нехваткой денег, кактаклизмами природы (землетрясение, наводнение, неурожай...), эпидемиями, войнами, бунтами... Но в народном сознании за всем этим прятался дьявол. Это он при строительстве больших храмов начинал обрушивать на христиан смуты и войны, посылать мор, трясти землю, переполнять реки или вызывать засуху... Нередко его упорства хватало на многие годы, но в конце концов он всегда терпел неудачу. В свете этих представлений горожане XV века с радостным недоумением поглядывали на быстро возводимый храм. Недоумение требовало ответа. И он не замедлил родиться в виде очередной легенды...

Когда возведение храма было поручено опытному мастеру Йоргу Хальсбаху, дьявол явился к нему и стал запугивать, что с тройным усердием будет мешать строительству, и лучше бы господину архитектору отклонить заказ, чтобы его передали менее умелому... К испуганному и растерявшемуся Хальсбаху, однако, быстро вернулось муже-

ство, а с ним пришла на ум и хитрость. Он предложил сатане заключить пари: тот не мешает ему работать, за это архитектор обещает построить такую церковь, при входе в которую князь тьмы не увидит боковых окон и через все пространство которой будут тянуться две сплошные стены... Дьявол, как известно, не из тех, кто любит насмешки и пустые обещания. Он уже готов был разгневаться, как архитектор завершил свое предложение: если я не выполню это условие, сможешь сразу забрать мою душу. История умалчивает, ударили ли они по рукам или скрепили сделку кружкой пива, но известно, что архитектор, засучив рукава, тотчас принялся за работу.

Мы уже любовались одной из построек Хальсбаха — Старой ратушей на Мариенплац. В связи со строительством Фрауэнкирхе он совершил поездки в Ульм и Аугсбург, где изучал опыт церковной архитектуры. «Начальство» тоже не сидело сложа руки, искало деньги. Была, в частности, продана часть недвижимости, принадлежавшей «старой Мариенкирхе», а когда и эти деньги иссякли, удалось убедить Папу Римского объявить в Мюнхене на ближайшие четыре года паломнические недели, равнозначные посещению Рима. Это означало, что вместо дальней и дорогой поездки в Рим желающие могли посетить Мюнхен и при усердном молении и щедрых пожертвованиях получить папское благословение и отпущение грехов.

Не знаю, как удалось уговорить на это Папу. Ведь Ватикан уже имел печальный опыт с Мюнхеном в подобной истории. Произошла она столетием раньше (в 1392-м), когда Мюнхен также был объявлен христианской «меккой». Но тогда все закончилось скандалом: город стал уклоняться от выплаты Ватикану обещанной части доходов, и только после того, как был предан анафеме, выполнил свои обязательства перед Папским престолом.

В конце XV века, кажется, все прошло гладко. В паломнические недели город наполнялся пришлыми людьми. Стражникам на городских

воротах выдали по мешку гороха с указанием откладывать по горошинке в отдельный сосуд при въезде каждого иногородца. Так было подсчитано, что Мюнхен посетили 123 700 паломников.

Храм тем временем строился, а дьявол занимался своими неугодными Богу делами вдаль от этих мест. Хальсбах, кажется, был доволен ходом работ, и уже через шесть лет пригласил коллег-архитекторов из других городов осмотреть свое творение. А в 1488-м он умер, ровно 20 лет спустя после начала строительства. Умер, как говорится в старинной подписи под его портретом, доведя с божьей помощью стройку до ее последнего камня.

Оставалась не завершенной еще внутренняя отделка и отсутствовали башенные навершия. Но если с первым справились относительно быстро, то с макушками башен дело затянулось: сначала работы затормозились из-за смерти Хальсбаха, а потом отвлекли военные действия. В связи с ними, кстати, понадобились и сами башни — на них были подняты пушки для защиты города. И только в 1520-е годы они, наконец, получили свои шлемовидные купола.

Если их позолотить, можно подумать, что купола сняли с Успенского собора Московского Кремля. В действительности, прообразом послужила венецианская архитектура, питавшаяся в свою очередь византийской эстетикой. Острые готические шпили германских церквей уже уходили в прошлое. Время более изящных византийских луковичных башенок в этих краях еще не наступило — они начнут появляться только к концу XVI века.

Необычные для готики купола Фрауэнкирхе порой вызывали шуточные реплики. Одному из правителей (курфюрсту Максимилиану III) они особенно приходились по сердцу, поскольку напоминали стебли любимой спаржи. Другим навевали мысль о массивных пивных кружках с откидными крышками... То и другое, как известно, всегда было дорого

сердцу баварцев, и, может быть, благодаря этому удалось отстоять полюбившиеся башни в период агрессивной реготизации XIX столетия. Тогда в Европе вошло в моду возвращение к готическим формам, утраченным в результате ренессансных и барочных обновлений. В Мюнхене громко заговорили о перестройке башен «под готику».

Как видим, проект не был осуществлен... К тому времени башни уже давно стали одним из наиболее распространенных символов Мюнхена, предметом гордости, и объектом новых былинных сюжетов. По своему знаменательно, что в 1839 году они были запечатлены на первой немецкой фотографии.

Гордость эта не утрачена и в наши дни, о чем говорят результаты референдума 2004 года, когда мюнхенцы проголосовали против строительства городских зданий, превышающих высоту башен. Что же касается былин... Многие утверждают, будто одна из башен, по недостатку денег, была не достроена и оказалась на метр ниже. Справедливости ради нужно заметить, что разница между башнями, действительно, есть, но составляет всего несколько сантиметров. Высота их примерно 98,5 метра. В южной башне (правой при входе в храм) есть возможность подняться на самый верх. Северная башня не предусматривает свободного доступа, и вокруг этого обстоятельства возникают новые слухи и домыслы — о размещенной там секретной аппаратуре, о по-тайной радиостанции Федеральной службы разведки, которая в период холодной войны, когда из Мюнхена вещало «Радио Свобода» и город привлекал внимание шпионов и перебежчиков, обеспечивала связь уличной агентуры и штаба; сам штаб разведки вплоть до недавнего времени находился в пригороде Мюнхена.

Ну, а что же демон зла — непременный отрицательный персонаж городских преданий? Чем завершился его «пакт» со строителем церкви? Вот об этом мюнхенцы рассказывают особенно охотно. Но самое забавное: все по-разному.

Из вереницы этих сказаний можно предположить, что предводитель нечистой силы, узнав, что архитектор находится при смерти, поспешил в Мюнхен. И тотчас вошел в новопостроенный храм через главный портал. Но уже через несколько шагов понял, что дальше дороги ему нет — пространство впереди, по-видимому, было окроплено святой водой. Из притвора же открывался вид на вытянутый на сто метров вперед, довольно светлый, стройный, тянущийся к небу центральный неф. С обеих сторон он ограничивался двумя рядами колонн, которые в перспективе сливались в подобие стен... Все, как и

обещал архитектор: не увидишь окон, но узришь стены... Пари оказалось проиграно. Сатана в гневе топнул ногой и испарился...

Я понимаю скептиков, которым очередная мюнхенская байка про дьявола, расцвеченная, возможно, долей и моей фантазии, может показаться уже излишней. Да и сам князь тьмы, поддавшийся на примитивную хитрость архитектора, смотрится в ней подозрительно наивно.

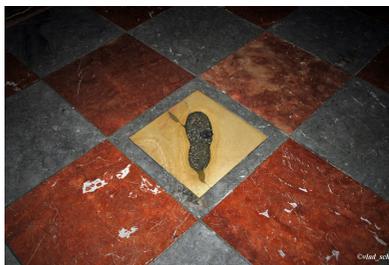
Есть, однако, обстоятельство, которое вызывает в памяти известную дискуссию на Патриарших прудах, подслушанную Михаилом Булгаковым: «А дьявола тоже нет?.. что же это у вас, чего нихватишь-ся, ничего нет!..»

Думаю, настало время войти в храм и осмотреть притвор у центрального входа. Притвор огражден от основного пространства храма решеткой — как полагаю, она символизирует ту невидимую стену, на которую натолкнулся вошедший через главные двери сатана. Напо-

мню: в ярости он топнул ногой и... испарился. Но вот казус: след его гнева остался... И если в храме в данный момент не проходит служба и притвор открыт для обозрения, мы сможем сами в этом убедиться.

Легенда о дьяволе, как я уже упомянул, рассказывается мюнхенцами в разных версиях. Но почти непременно упоминается, что после своей неудачи черт поклялся разрушить строение сильным ветром, и с тех пор его подручные что есть сил гоняют воздушные массы вдоль церковных стен.

Однако главную задачу — разрушить храм, оказавшуюся не по зубам дьяволу, в конце концов смог осилить человек. После бомбардировок города во Вторую мировую войну церковь представляла собой руины. На фотографиях середины 1940-х годов присутствует только остов строения — без крыши, с почти полностью разрушенной алтарной частью и чудом уцелевшими башнями.

Бытует мнение, будто бомбы сбрасывались так, чтобы не повредить башни, служившие летчикам ориентиром на подлете к Мюнхену. Вот уж чего никак не мог предусмотреть в свое время любитель охоты герцог Сигизмунд...

И все же — для скептиков — я перескажу современную интерпретацию легенды появления отпечатка ступни. В ней говорится, что архитектор, не удовлетворенный ходом работ, однажды гневно бегал по стройке и кричал на рабочих. Случайно башмак его попал в какой-то замес, и Хальсбах стал чертыхаться. «Как вовремя вспомнили Вы черта, господин мастер, — тотчас нашелся один из каменщиков. — Давайте оставим этот след для потомков — будто сам дьявол тут топал ногами в бессилии помешать нашей отличной работе...»

Путаной легенде по-своему соответствует и исторически сложившийся, несколько размытый, портрет самого архитектора. Сведений о нем немного, а имеющиеся — подчас противоречивы. По-разному указывается место его рождения (но всегда в Верхней Баварии). Иконография его скудна. И даже фамилия его фигурирует в источниках в различных и несозвучных вариантах: Хальсбах, Поллинг, Ганкоффен... Как бы то ни было, архитектор-легенда остался в мюнхенской летописи как незаурядный мастер поздней готики и творец главного городского храма. В нем же с почетом и был похоронен.

Еще «старая Мариенкирхе», стоявшая на этом месте, стала служить первым в Мюнхене местом погребения Виттельсбахов. В сменившей ее церкви для отпрысков правящей династии и духовных лиц высокого ранга была устроена крипта под алтарной частью. В ней, среди многих, похоронены император Людвиг IV Баварский, знакомые нам герцог Сигизмунд (охотник) и последний король Баварии Людвиг III с женой и детьми. Крипта обычно открыта для посещения, спуск в нее — со стороны центрального восточного окна.

Поскольку крипта представляет собой склеп, в ней затруднена установка надгробных памятников. В подобных случаях в самих церквях устанавливают символические надгробия — кенотафы. Один из них мы увидим чуть позже в церкви Св. Михаила. Другой — здесь, у западного, бокового, входа в храм. Он посвящен Людвигу Баварскому.

Имя — знакомое нам по первым прогулкам по Мюнхену. И если сразу он вам не припоминается, то на секунду мысленно перенесемся в Старый двор, вспомним расписной деревянный эркер и шустрю обезьянку, карабкающуюся к его вершине с прижатым одной лапой к телу младенцем — будущим европейским правителем... История эта относится к концу XIII века.

Позднее, на вершине своей славы, ему, герцогу Баварии и легитимно избранному императору Священной Римской империи, пришлось — и удавалось — отстаивать свое право на управление рейхом. Одна из его заслуг — укрепление светской власти в ее борьбе с влия-

нием и могуществом папства. К другим можно отнести усилия по объединению Баварии.

В 1322 году Людвиг похоронил внутри стоявшей здесь церкви свою первую жену Беатрису, а спустя 25 лет и сам был погребен рядом с ней.

Кенотаф выполнен в 1622-м. Сверху он украшен императорской короной, справа и слева от нее — фигуры гениев мира и войны. Скульптуры в полный рост по обеим сторонам гробницы представляют двух баварских герцогов XVI века. В скорбном карауле по углам стоят коленопреклоненные знаменосцы.

На стене между кенотафом и притвором можно увидеть надгробную плиту строителя храма Йорга Хальсбаха. Над ней два портрета — справа сам Хальсбах, на левом изображен мастер плотницких работ в церкви Генрих из Штраубинга, под началом которого была выполнена деревянная конструкция перекрытия.

Несмотря на катастрофические разрушения времен Второй мировой войны во Фрауэнкирхе сохранились многие уникальные элементы прежнего убранства. Можно подойти ближе к амвону и за алтарным столом рассмотреть, например, места для участников богослужений, украшенные скульптурными изображениями апостолов и ветхозаветных пророков. Сами скамьи, к несчастью, сгорели в войну, но резные бюсты были вовремя демонтированы и тем самым сохранены. Они выполнены в конце XV столетия и относятся к первоначальному убранству храма. Автор их — скульптор Эразм Грассер.

К более позднему времени (ко второй половине XVIII века) относятся стоящая в глубине по центру колонна со скульптурой Марии и 12 позолоченных рельефов с сюжетами ее мирской жизни.

У колонны Марии — скромное кресло с высокой спинкой. Время от времени на нем восседает... сам Маркс. Симпатичный, уже не молодой человек, с приветливым кругловатым лицом и седоватой, чуть проступающей бородой. Несколько лет назад он выпустил книгу под названием «Капитал» с подзаголовком, который можно перевести как «Речь в защиту человека». Относительно недавно осудил намерение правительства Баварии вывешивать кресты при входе в государственные учреждения. А также не раз критиковал тех, кто выступает против приема беженцев, что с его точки зрения свидетельствует об утрате христианского мировоззрения. Его титулярное имя Райнхард Кардинал Маркс Архиепископ Мюнхена и Фрайзинга. Как видим, в его портрете много неординарного — начиная уже с того, что католические священники преимущественно гладко выбриты...

Скромный стул у колонны Марии и есть кафедра — как место, занимаемое архиепископом, так и символ его полномочий и ответственности. Этим определяется и церковный статус собора — кафедральный.

До сих пор в наших прогулках мы упоминали епископство Фрайзинг. Оно было названо по городу, лежащему в 30 км севернее Мюнхена. Вспомним на минуту предприимчивого фрайзинского епископа, который в середине XII века стал собирать дань за провоз соли, чем вызвал необузданный гнев баварского герцога Генриха Льва из династии Вельфов. Из этой распри, как помним, и родился Мюнхен — первоначально герцогская таможенная застава.

Фрайзинское епископство имеет очень давнюю историю, оно было учреждено в 739 году. Но в 1810-х на его основе создали «Архиепископство Мюнхен и Фрайзинг». Церковное управление тогда и переехало в столицу Баварского королевства, а Фрауэнкирхе приобрела статус кафедрального собора: *Dom zu Unserer Lieben Frau* или Со-

бор Пресвятой Богородицы. С тех пор у колонны Марии и появилось почетное кресло — кафедра.

В западных храмах возможность сидеть во время богослужения есть не только у архиепископа, но и у прихожан. Ряды церковных скамеек многочисленны, но все же мы усомнимся, что на них помещаются 20 000 человек. А ведь именно на такое количество верующих рассчитывался храм. Объясняется все очень просто: в давние времена скамьи не предусматривались, а с их появлением количество мест резко уменьшилось.

Внешняя сторона алтарного пространства украшена резными скульптурами и рельефами святых — работа уже упомянутого резчика Эразма Грассера последних лет XV столетия. Если мы начнем ее осмотр с правой стороны, то кроме фигур увидим и геральдические щиты архиепископов, в том числе и нынешнего — Маркса.

Его герб снабжен изречением «Свобода там, где Дух Господень». В собственных высказываниях архиепископ поясняет эту цитату из Нового завета мыслью о том, что именно свобода является существенной темой христианской веры. Над изречением — щит с изображением крылатых львов евангелиста Марка, они держат перед собой открытую Библию, и... несколько неожиданно — мы видим на щите голову африканца с выпуклыми красными губами, красной короной и столь же красным кольцом в ухе. К теме беженцев, которую очень сочувственно воспринимает кардинал Маркс, это, конечно, не имеет отношения. Если крылатые львы — эмблема самого архиепископа, то коронованный «мавр» унаследован им как старинный (с XIII века) символ фрайзинской епархии.

Само слово «мавр» (*Mohr*) в немецком языке относится к древнему обозначению темнокожих людей. В библейском контексте такого рода символика может опираться на изображаемых темнокожими Святого Маврикия и одного из трех волхвов. Но и в светском обществе мавр стал распространенным элементом геральдики. Его появление в европейских семейных гербах могло объясняться смуглым оттенком лица видного представителя рода или, к примеру, присутствием слова «черный» в фамилии — Шварц, Шварцкопф и т. п. И это при очевидном противостоянии христианской и арабской цивилизаций. Секрет, наверное, заключается в том, что в этом противостоянии в ту пору отсутствовала расистская составляющая, зарождение которой относят к позднему Средневековью.

Есть разные версии об источниках появления головы мавра на щите фрайзинской епархии: фамильный герб одного из епископов или участие другого в крестовом походе...

Африканский символ унаследовали и многие населенные пункты, прежде принадлежавшие фрайзинскому церковному княжеству. Так что, в путешествиях по Баварии с непривычки можно подумать, что ты заблудился и попал на иной континент — «мавры» встречают нас на гербах городов и весей, в церковной и светской геральдике, в названиях аптек, гостиниц, ресторанов... Уникальными резными фигурами танцующих мавров с конца XV века украшен праздничный зал Старой ратуши на Мариенплац. Выполнены они тем же скульптором Грассером, автором фигурного ряда святых, украшающих алтарную часть осматриваемого нами собора.

Амвон можно обойти по огибающей его галерее, по внешней стороне которой расположены капеллы — старинный элемент храмового устройства. В Средние века прихожане делали пожертвования и иногда получали возможность обустроить семейную капеллу, где канониками, жившими на те же пожертвования, осуществлялось «вечное» поминание души. Но большее распространение получили капеллы, посвященные отдельному святому, иконе или церковному празднику. Напротив герба архиепископа Маркса находится капелла Святого Бенно.

Мы не можем пройти мимо — уже хотя бы потому, что Святой Бенно с XVI века почитается покровителем Мюнхена и Баварии. Сам он жил в XI столетии, служил епископом Майсона (Мейсона) в Саксонии. К лику святых был причислен в 1523 году. Обратим внимание на эту дату. К тому времени уже несколько лет идут жаркие прения между Мартином Лютером и католической церковью. Самим Лютером канонизация Бенно рассматривалась как попытка Ватикана противостоять распространению идей Реформации. Однако в Саксонии это не помогло, она стала протестантской. И мощи, — как Бенно, так и других провозглашенных Ватиканом святых, — перестали быть предметом религиозного почитания. Тогда же с благословения Папы Римского Виттельсбахи начали активно собирать реликвии, утратившие значение в протестантских землях. Они и сегодня хранятся в мюнхенских храмах, многие в этом соборе, большое собрание можно увидеть в городском музее-резиденции. Мощи Святого Бенно покоятся в ларце из эбенового дерева, на котором стоит покрытый серебром бюст святого.

В завершение обзорного знакомства с храмом продолжим обход алтарной части против часовой стрелки, обратим внимание на оформление капелл, на витражи, задержимся у напольных часов — раритет XVI столетия, а чуть дальше — у большого живописного полотна с сюжетом вознесения Марии, оно выполнено в 1620 году художником Питером Кандидом; и покинем церковь через северный вход.

И сразу же, наискосок от церковных дверей, снова «встретимся» со Святым Бенно — на этот раз в исполнении скульптора Хензельмана (1972). Покровитель Мюнхена и Баварии держит в прижатых к груди руках рыбу, из которой, как из источника, в фонтанную чашу стекает вода. В легендарной биографии Бенно рассказывается, что однажды от удара его церковного посоха забил родник. Другая не менее чудесная история связывается с борьбой светской и папской власти, в ходе которой Бенно вынужден был покинуть Мейсон. При отъезде он передал ключи от соборного храма своим помощникам с указанием бросить их в Эльбу, если обстоятельства сложатся неблагоприятно. Что и произошло и что было сделано. Позднее Бенно инкогнито вернулся в Мейсон и поселился среди незнакомых людей. Однажды на обед ему подали жареную рыбу, внутри которой обнаружился соборный ключ. Окружающие сразу же признали в незнакомце своего почитаемого епископа-изгнанника и с ликованием проводили его в храм...

Пространство, окаймляющее собор, носит название Фрауэнплац (*Frauenplatz*). На площадке перед башнями обратим внимание на макет центральных кварталов Мюнхена.

Здесь можно проследить маршруты наших предыдущих прогулок — Мариенплац, Старый двор и Хофбройхаус, Резиденция, Одеонс-плац.

Одновременно с фонтаном Святого Бенно напротив главного портала церкви в тени деревьев появился оригинальный фонтан, который называют «водный гриб» (*Wasserpilzbrunnen*). Ограниченные в виде прямоугольников камни могут служить сиденьями. Мы можем устроиться на них на некоторое время и продолжить разговор о сюжетах религиозной истории Мюнхена.

К месту вспомнить, что эмблемой города уже много веков является юный монашек и само его название восходит к слову *монах*. По преданию, город возник на месте некоего монашеского подворья. Но сами обитатели стали появляться в нем лишь по мере его развития. В XIII веке первыми в Мюнхене начали обживать францисканцы, за ними последовали августинцы, капуцины, иезуиты, доминиканцы, клариссинки, кармелитки... Так что в пестрой городской толпе среди сановитых и мелких чиновников, господ и слуг, ремесленников, уличных торговцев, солдат то и дело возникала фигура в священническом или монашеском одеянии.

Монастырь августинцев (Augustinerkloster)

Черные хабиты августинцев с капюшоном и подпоясанные кожаным ремнем (францисканцы, к примеру, обходились простой веревкой) впервые появляются в этих местах в последние годы XIII столетия. В то время напротив входа в церковь проходила первая крепостная стена. За ней и поселились «братья Святого Августина», взявшие на себя труд пасторов для жителей ближайших пригородов. Вскоре территория города была расширена, и монастырь со всеми своими строениями — церковью, жилыми корпусами, пивоварней, подсобными зданиями — оказался внутри Мюнхена. Он просуществовал здесь 508 лет.

В связи с судьбой Святого Бенно мы только что вспомнили его современника и оппонента Мартина Лютера. Откуда появился этот возмутитель спокойствия, бросивший вызов Папскому престолу? Впрочем, это хорошо известно: из среды католических священников. Но вот что для нас в данном случае может быть любопытным: в молодости Лютер вступил в орден августинцев. И в своих поездках через Мюнхен останавливался, судя по всему, здесь. Кроме того, один из его покровителей и друзей некоторое время был приором мюнхенской обители.

Все это в глазах встревоженных баварских властей бросало тень на монастырь, пасторская работа монахов становилась все менее востребованной, их количество резко сокращалось. Неприметными в ис-

тории обители смотрятся XVI и XVII века, и только в XVIII столетии встречаются несколько ярких строчек: ее представители внесли вклад в развитие теологии, философии, лингвистики.

А в 1802 году, как и все баварские монастыри, обитель августинцев была распущена (об этих обстоятельствах мы вспоминали на площади перед Национальным театром, когда речь шла о монахах-францисканцах).

Имущество августинцев перешло к Баварии, их постройки были отданы службам Министерства юстиции и простояли еще столетие, пока перед Первой мировой войной не были снесены ради нового здания мюнхенской полиции. Его мы и видим напротив главного входа во Фрауэнкирхе.

Что же осталось от монастыря на сегодняшний день? Церковь, которую сможем увидеть через пару минут. И... пиво — причем, старейшей марки из ныне производимых в городе. Первое упоминание о нем относится к 1328 году. С тех пор на протяжении нескольких веков монахи продавали свой «Августинер» (*Augustiner*) мюнхенским трактирщикам, поставляли ко двору Виттельсбахов (пока у тех не появилась собственная фабрика «Хофброй»). «Августинер» быстро и прочно завоевал славу в городе.

В течение нескольких лет после закрытия монастыря «национализированная» фабрика продолжала работать в старых стенах, потом переехала в новую постройку на соседней Нойхаузерштрассе. В 1829 году ее приобретают пивовары Антон и Тереза Вагнер. Позднее фабрику унаследовал их сын Йозеф, и с тех пор его инициалы «J. W.» (*Joseph Wagner*) стали неотъемлемой частью логотипа фирмы.

Иногда приходится слышать от туристов, что они, вроде, знают все марки мюнхенского пива, но никогда до приезда сюда не слышали об «Августинере», которое, как выясняется, считается самым старым в Мюнхене. Все верно, фабрика не ставит целью выходить на уровень пивных гигантов, она варит «местное» пиво, которое (за редким исключением) можно выпить только в Мюнхене. Как раз напротив нас «Монастырский трактир Августинцев» (*Augustiner Klosterwirt*),

относительно недавно открытый и несколько стилизованный под старину. Однако, если мы хотим насладиться «августинером» в исторических интерьерах, следует продолжить прогулку по богомольным тропинкам Мюнхена, которые обещают чуть позже вывести нас — думаю, не без божьей помощи — к бывшей фабрике Вагнеров.

С этой надеждой и отправимся в дальнейший путь.

От комплекса монастырских строений сохранилась только церковь. Хотя, именно как церковь она прекратила функционирование одновременно с монастырем. Здание ее примыкает к левому торцу полицейского ведомства. Долгое время оно использовалось для хозяйственных нужд. Сейчас в нем располагается Музей охоты и рыболовства.

Перед входом обращает на себя внимание скульптурная пара: сидящий кабан и сом.

Свинка (или «свин») может показаться старой знакомой — ее можно встретить на улицах многих городов планеты. Откуда разбежалась она по миру?

Когда-то Папа Римский подарил герцогу Флоренции античную скульптуру борова, выполненную в мраморе, она и сейчас стоит в галерее Уффици. С нее была сделана бронзовая копия, превращенная позже в известный флорентийский фонтан «del Porcellino».

Этот самый поросенок (порчеллино) оживает в сказке Андерсена «Бронзовый кабан». Он пронесит на своей спине бездомного мальчугана по улицам ночной Флоренции и залам Уффици, где перед ними оживают скульптурные изваяния и живописные полотна. Порчеллино оказался истинным чародеем: в воображении его спутника воскресли древние и христианские герои и в завораживающей полноте развернулись сюжеты минувших времен.

Волшебный талант порчеллино невоспроизводим и может остаться лишь предметом восхищения и подражания для людей моей профессии.

Возможно, если кто-то из моих спутников рискнет прийти сюда ночью, кабан снова оживет... А пока я продолжу его роль — проводника по лабиринтам мюнхенского прошлого...

Здесь мы попадаем на пешеходную улицу, до развития Мюнхена она была частью торговой — соляной — дороги.

Пройдем по ней вдоль церковного фасада, нижний этаж которого пестрит витринами сувенирных магазинов. И буквально через минуту окажемся у белоснежного здания церкви Святого Михаила.

St. Michael (Neuhauser Str. 6)

Между Фрауэнкирхе и церковью Архангела Михаила три минуты ходьбы и 100 лет истории, что, само собой, нашло отражение и в архитектуре. Если Фрауэнкирхе создавалась во времена поздней готики, то здесь нас встречает фасад позднего ренессанса, на смену которому уже спешит барокко. Церковь возводилась в конце XVI века по подобию

построенной незадолго перед тем в Риме иезуитской Иль Джезу, но превзошла ее в масштабах, а главное, стала образцом для строительства десятков церквей в немецких землях.

Фасад обильно украшен скульптурой. Самая верхняя изображает Христа, а нижняя, между двумя порталами, — Архангела Михаила, побеждающего зло. В остальных нишах — в основном статуи Виттельсбахов, отличившихся в укреплении католической веры. Сам храм и прилегающие к нему постройки (они занимают целый квартал) задумывались и возводились как центр и оплот борьбы с Реформацией.

Вот мы и снова невольно возвращаемся к фигуре «бунтовщика» Лютера. Его первое открытое выступление против папства относится к 1517 году, и уже в следующие годы начинается стремительное распространение идей Реформации, происходит религиозный раскол, а в ближайшем географическом окружении Баварии появляются протестантские государства. Впрочем, и среди виттельсбаховских подданных находились «отступники». На защиту старой веры были брошены все силы — сыскные, судебные, религиозные... Донос поощрялся вознаграждением, представление свидетельства об отпущении грехов становилось обязательным. Ведьм выискивали в разных слоях населения; впрочем, этим увлекались и реформаторы.

На баварский трон в это время всходит герцог Альбрехт V. Его скульптурный портрет мы можем рассмотреть в нише второго этажа, слева от центрального окна.

В поисках опоры в борьбе с идеями Реформации взгляд его останавливается на преданном Папе Римскому молодом ордене «Общество Христа», члены которого в сане мирских священников стали осуществлять духовное наставничество (исповедь), а также успешно развивать сеть образовательных школ, колледжей, со временем и университетов. Так, по инициативе герцога Альбрехта, в середине XVI века в Мюнхене обосновались братья-иезуиты.

В русском языке само это слово часто воспринимается с негативным оттенком, а то и попросту употребляется как синоним лицемера, двуличного человека... В таком виде мы можем его встретить у Достоевского или в переписке Чайковского. Но все это следует отнести к более поздним «наслоениям», имевшим частью объективные, но нередко ошибочные и спекулятивные основы.

В XVI веке иезуиты принадлежали к европейской культурной элите, и деятельность их только приветствовалась при дворах католических правителей. К концу века существовало уже более тысячи школ,

преподавание в которых велось по выработанным специальной комиссией ордена педагогической и образовательной программам и на основе принятых ими методик. В круг предметов входили логика, античные авторы, математика, астрономия, теология, философия. В Мюнхене до прихода иезуитов работали три школы (городская и две церковных), они довольно быстро потеряли свое значение. Паства также охотно тянулась к более эрудированным священникам-иезуитам, которые, к тому же, в исповедальной практике использовали своего рода адвокатские методики, помогая грешнику найти смягчающие обстоятельства своего поступка (это и дало, отчасти, основание для позднейших обвинений иезуитов в казуистике). Впечатляющей частью программы религиозного, морального и эстетического воспитания повсеместно стал «иезуитский театр». В Мюнхене спектакли с сюжетами из истории церкви, жизни святых или мучеников устраивались в школе, при герцогском дворе и на открытых площадках — например, на Мариенплац. И здесь все тоже опиралось на отточенные методики — построения драмы, сценического исполнения, большое внимание уделялось декорациям и техническим эффектам. Как писал один из современников, «ничего подобного мюнхенцы до этого времени не видели и не слышали».

Удовлетворен был и герцог Альбрехт и перед смертью лишь сожалел, что не успел выстроить для иезуитского ордена задуманную им церковь и новые учебные здания. В завещании он возложил осуществление этого плана на своего наследника.

С наследником — он изображен на фасаде симметрично отцу, с макетом церкви — мы уже знакомы. И, кажется, даже поднимали

кружки в его честь — как основателя придворной пивоварни «Хоф-брой».

Его скульптурное изображение видели мы и на Мариенплац — в эркере на фасаде Новой ратуши, где механическими фигурами разыгрывается рыцарский турнир по случаю его свадьбы...

Вильгельм V, как звали наследника, рьяно взялся за дело. На прилегающей к монастырю августинцев территории было выкуплено и снесено 34 здания, на месте которых к концу XVI века вырос комплекс, включающий этот храм и, слева от него и в глубине квартала здания для учебы, проживания, библиотечных залов, отдыха (в том числе сад), хозяйственных нужд... К тому времени здесь насчитывалось более 900 воспитанников — как местных, так и приезжих.

И сам Вильгельм принимает решение жить бок о бок с иезуитами — он скупает соседние участки с западной стороны и строит резиденцию, соединенную с иезуитским кварталом сводчатым переходом. Так в Мюнхене появился еще один герцогский двор, но после смерти Вильгельма он приобрел второстепенный характер, в нем проживали члены семьи и родственники правителей, несколько раз он перестраивался, пока не оказался полностью разрушен во Вторую мировую войну.

Опора на иезуитов была одной из существенных, но, конечно, далеко не единственной составляющей тех усилий, которые предпринимали Виттельсбахи в сохранении католической веры. Итог этим усилиям подведет сын Вильгельма Максимилиан, когда после ухода шведской армии Густава Адольфа водрузит в 1638 году на центральной площади Мюнхена колонну Марии, которую он почитал как покровительницу католической Баварии.

Максимилиану было 24 года, когда завершилось строительство храма. Вместе с родителями, в июльский день 1597 года стоял он перед этим фасадом в ожидании торжества освящения. Не без гордости смотрел на скульптурные портреты предков, на своего отца, изображенного с макетом церкви, и на надпись, идущую по нижнему карнизному поясу: «Вильгельм V Пфальцграф Рейна и Герцог Баварии Покровитель и Основатель». Для него и его близких это был и важный момент семейной истории — герцог Вильгельм воспринимал освящение церкви как венец своих многолетних трудов и их итог, он решил уйти на покой и передать власть в руки сына.

Перед тем, как войти в церковь, обратим внимание на надпись мелом «20•С•М•В•22». Таковую же вы могли видеть и при входе во

Фрауэнкирхе, да и на дверях многих домов в Баварии. Цифры обозначают текущий год, а буквы имена трех волхвов: Каспар, Мельхиор, Балтазар (*Caspar, Melchior, Balthasar*). Но у этого знака благословения существует и иное прочтение: «Христос, благослови этот дом» (*Christus Mansionem Benedicat*).

За дверь открывается сразу производящее сильнейшее впечатление архитектурное пространство — огромный, невиданный ранее в германской церковной архитектуре широкий цилиндрический свод, вторящие ему своды боковых капелл и алтарной части и, конечно, свет — через невидимые нам окна верхнего этажа он попадает на сводчатый потолок и в отраженном виде спускается вниз. В одном из описаний говорится, что чарующее впечатление храма зиждется на четырех столпах: простор, литургия, проповедь и музыка.

Ведущая тема убранства — Христос. При входе, в высоко расположенной нише он изображен в детском возрасте, в нишах по бокам вдоль вытянутого пространства — фигуры ангелов, в руках которых «орудия страстей», иными словами, инструменты мученичества (лестница, столб, копье, терновый венец и др.), ставшие символами страданий и победы Христа; впереди — как конец его жизненной дороги — распятие, за ним алтарное пространство, которое посвящено теме грядущего воскресения. Другим акцентом оформления храма была, как помним, борьба против Реформации, и в свете этого своды при входе в боковые капеллы и в алтарную часть получали трактовку своего рода триумфальных арок несломленного католицизма.

Во Фрауэнкирхе мы уже вспоминали о том, что Виттельсбахи собирали в протестантских землях утратившие там свое значение религиозные реликвии (Святой Бенно). Одна из них хранится в боковой капелле (третьей по правую руку от входа) — ковчег с мощами врачей-врачевателей, ранних христиан Козьмы и Демьяна. Мощи долгое время находились в Бремене, откуда выкуплены были Максимилианом и с большими почестями доставлены в этот храм.

Центральное алтарное полотно повторяет сюжет, виденный нами снаружи, в нижней фасадной нише, где Святой Михаил поражает копьём сатану. Как и наружная скульптура, это полотно выполнено в конце XVI века, то есть относится к первоначальному убранству храма.

Под алтарным подиумом, как и во Фрауэнкирхе, расположена крипта — семейная усыпальница Виттельсбахов. Сейчас в ней 36 захоронений. Среди них — гробницы строителя храма Вильгельма с су-

пругой, их сына Максимилиана и членов его семьи, из более поздних отпрысков — саркофаг короля Людвига II. Мы не вспоминали его на наших прогулках, поскольку наиболее яркий след он оставил не в Мюнхене, а на южных окраинах Баварии. Его альпийские усадьбы — Нойшванштайн, Линдерброф, «Версаль» на озере Кимзее — давно уже стали местами туристического паломничества.

В крипте покоится родственник Виттельсбахов и пасынок Наполеона Евгений Богарне. В прогулке вокруг Одеонсплац мы видели его дом и говорили о нем и его семье. Вспоминали и его младшего сына Максимилиана Лейхтенбергского, ставшего мужем дочери Николая I. Максимилиан жил и умер в Санкт-Петербурге, но урна с его сердцем хранится здесь.

Евгению Богарне посвящена скульптурная композиция в левой апсиде поперечного нефа. Мраморный надгробный памятник (кенотаф) с написанным по-французски девизом «честь и верность» был выполнен по эскизу Лео фон Кленце знаменитым скульптором Торвальдсеном в 1830 году.

У выхода обратим внимание на фотографии разрушений в годы Второй мировой войны и еще раз убедимся, в каком удручающем состоянии был город, когда в нем стала возрождаться мирная жизнь.

Рядом можно найти информацию с расписанием церковных служб и музыкальных концертов.

Служение в церкви осуществляют иезуитские священники. Их орден, как известно, был распущен во второй половине XVIII века (хотя в некоторых странах, в том числе и в России, он продолжал свою деятельность). Официально восстановлен папской властью в начале XIX века, но только в 1921-м иезуитские священники вернулись в мюнхенский храм. К слову сказать, нынешний Папа Франциск также принадлежит к иезуитскому братству.

В заключение прогулки вернемся на пешеходную улицу и обратим внимание на фасад, тянущийся в левую сторону от церкви. Это и есть часть бывшего колледжа иезуитов.

В 1820-30-е годы здесь временно размещался переведенный из Ландсхута в Мюнхен университет. Среди его известных ученых той поры были медик и натурфилософ Лоренц Окен, а также философ Фридрих Шеллинг, на лекции которого сюда приходили Тютчев и его друзья из круга московских мыслителей — братья Киреевские, Шевырев, Погодин...

Кроме университета в зданиях «иезуитского квартала» в XIX столетии размещались Баварская библиотека, Академия наук, Академия изобразительных искусств. Сейчас квартал полностью перестраивается — в нем займут места торговые заведения, кафе, офисы, квартиры.

Перед зданием — фонтан послевоенных лет в форме римской колонны со сценами оперы Рихарда Штрауса «Саломея» (в связи с ремонтными работами в настоящий момент не виден). Когда-то напротив стоял дом, в котором в 1864 году родился

композитор. Принадлежал участок семье его матери, урожденной Пшорр.

Вот... под конец наших прогулок, снова потянуло сладковатым ароматом солода... Никуда в этом городе не деться от пива...

«У баварцев земное отношение к религии, — не без улыбки заметил один из современных германских теологов (Иоанн Метц), — и мистическое к пиву».

Пшорры — известные пивовары, и здесь находилась одна из их фабрик. Следов этих зданий не сохранилось...

Но не будем отчаиваться — в нескольких шагах в стороне видна вывеска другого исторического заведения: «Augustiner». Вот куда в свое время переехала бывшая монастырская пивоварня и где много десятилетий новые владельцы (Вагнеры) продолжали варить любимое мюнхенское пиво. Фабрику перевели отсюда в конце XIX века, а в ее помещениях обустроили просторные пивные залы.

Наше знакомство с Мюнхеном мы начинали с баварского завтрака на Мариенплац. Последнюю прогулку резонно завершить кружкой почтенного, старейшего в городе, пива, которое еще в XIV веке с душой и молитвой начали варить братья-августинцы. Ну, а тост напрашивается сам собой: За Мюнхен — за его седины и его молодость!

